

2020

Международные рейтинги

CINE

Центр по изучению международного высшего образования Бостонского колледжа (США) занимается теоретическими разработками и проводит междисциплинарные исследования в области высшего образования на мировом уровне. Основной задачей центра является распространение актуального, аналитически осмысленного знания о состоянии, тенденциях развития, структуре и основных проблемах международного высшего образования. Руководит центром профессор Ханс де Вит, известный специалист и исследователь международного уровня в области интернационализации высшего образования.

Среди направлений деятельности центра ключевыми являются издание ежеквартального бюллетеня International Higher Education, содержащего лучшие научные разработки и статьи о важных изменениях в области высшей школы на примере локальных, региональных и международных кейсов; отбор

и издание книг и монографий состоявшихся и молодых исследователей из разных стран; работа по активизации исследований в области высшей школы в странах Африки и других развивающихся странах; мониторинг коррупции в сфере высшего образования, а также работа, связанная с кросс-культурным взаимодействием университетов и исследователей.

Центр по изучению международного высшего образования — стратегический партнер ИНИИ НИУ ВШЭ, в сотрудничестве с которым реализован целый ряд исследовательских проектов. Новым этапом совместной деятельности является подписание соглашения о передаче прав на издание и распространение бюллетеня на русском языке.

<http://www.bc.edu/research/cihe/>

НИУ ВШЭ

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» является крупнейшим центром социально-экономических исследований и признанным лидером высшего образования в Восточной Европе. Университет активно и успешно занимается исследовательскими разработками в области менеджмента, социологии, политологии, философии, международных отношений, математики, востоковедения и журналистики, объединенных базовыми принципами современной экономической науки.

Преподаватели и сотрудники университета принимают значимое участие в развитии социальных и экономических преобразований в Российской Федерации. Путем проведения системного анализа и комплексных междисциплинарных исследований университет транслирует актуальные экономические знания правительству, бизнес-сообществу и гражданскому обществу.

На базе Высшей школы экономики функционируют 68 исследовательских центров и 50 международных лабораторий, которые занимаются реализацией прикладных и фундаментальных исследований. Одним из приоритетных направлений деятельности университета являются исследования в области высшего образования, объединяющие усилия целого ряда коллективов, работающих в соответствии с мировыми стандартами. Национальные и международные группы исследователей — специалистов в области экономики, социологии, психологии и управления разрабатывают и реализуют сравнительные междисциплинарные проекты. Тематика таких исследований включает вопросы развития мировой и российской системы высшего образования, эффективного контракта в образовании, трансформации академической профессии, подготовки образовательных стандартов, моделей оценки эффективности учреждений высшей школы и многие другие.

<http://www.hse.ru/>

Содержание

Международное высшее образование

№103 / Лето 2020

Дистанционное образование в кризисные времена

- 6 Информационные технологии в контексте COVID-19:
поворотный момент?
Филип Дж. Альтбах и Ханс де Вит
- 8 Дистанционное образование и мировой спрос
Нил Кемп

Тенденции интернационализации

- 10 Национальные стратегии интернационализации в странах с низкими и средними доходами
Ханс де Вит
- 12 Как университеты Германии завоевывают расположение международных студентов
Симон Моррис-Ланге и Корнелия Шу
- 14 Управление интернационализацией в условиях непростого научного ландшафта
Томми Ши
- 15 Центральная Азия: движение с разной скоростью
Фархад Алимухамедов

Китай

- 17 Интернационализация высшего образования в Китае: внутренние барьеры
Ян Жуй
- 19 Новая программа подготовки кадров для достижения стратегических целей
Сяофэн Вань
- 21 Инициатива «Один пояс — один путь» и высшее образование
Айси Ли и Алан Руби

Частное высшее образование

- 23 Введение в раздел
Дэниел Леви
- 23 Когда частного высшего образования «слишком много»?
Ценности и реалии Юго-Восточной Азии
Дэниел Леви
- 26 Филиппины: два сектора частного высшего образования
Кэрол Марк К. Йи
- 27 Вьетнам: уникальное монопольное положение частных вузов
Куан Тяу

Европа

- 29 Многообразие европейских систем высшего образования
Бенедетто Лепори и Даниэль Вагнер-Шустер
- 31 Ирландское высшее образование: взгляд изнутри
Эллен Хейзелкорн и Том Боланд
- 33 Высшее образование в Турции: размер имеет значение
Огуз Эсен

Африка

- 34 Эволюция роли почетного ректора в Кении
Ишмаэль И. Мунене

Международные рейтинги

- 37 Переосмысление институциональных стратегий латиноамериканских университетов
Карлос Иван Морено и Хорхе Энрике Флорес
- 38 Почему австралийские вузы так высоко в рейтингах?
Вильям Локк

Информационные технологии в контексте COVID-19: поворотный момент?

Филип Дж. Альтбах и Ханс де Вит

*Филип Дж. Альтбах — исследователь, основатель и первый директор, а Ханс де Вит — профессор и действующий директор Центра по изучению международного высшего образования Бостонского колледжа (США).
E-mail: altbach@bc.edu, dewitj@bc.edu.*

Из-за пандемии COVID-19 большинству вузов мира пришлось закрыть кампусы и отправить студентов по домам. Подавляющее большинство вузов в том или ином виде перешло на дистанционное обучение, чтобы обеспечить непрерывный образовательный процесс и дать студентам возможность завершить учебу. Для того чтобы перестроиться, преподавателям и студентам пришлось приложить немало усилий. Последние месяцы университетские IT-специалисты во всем мире работают в кризисном режиме и достигли незаурядных успехов в переводе разнообразных курсов и образовательных программ в онлайн-формат если и не полностью, то в большой степени. Онлайн-индустрия засыпала вузы и преподавателей различными инструментами, обучающими модулями и иными продуктами. Высшее образование вынуждено меняться, по крайней мере на период пандемии COVID-19, частные поставщики настойчиво навязывают вузам коммерческие модели, а апологеты информационных технологий возвещают о грядущей революции.

Но нужно честно задаться вопросом: успешна ли эта революция, связанная с дистанционным образованием, и действительно ли сейчас настал «поворотный момент»? В отсутствие эмпирических данных оба этих вопроса остаются открытыми, но, скорее всего, ответ на них окажется преимущественно отрицательным. Стоит задуматься о реалиях и тенденциях, а также о возможных сценариях на будущее. Мы отдаем себе отчет в том, что наши размышления носят предварительный характер и основаны на результатах наблюдений. Тем не менее уже пришло время подумать о некоторых ключевых вопросах.

Неравенство

Дистанционное обучение, несомненно, приводит к разнообразным проявлениям неравенства в высшем образовании. Степень вовлеченности студентов в дистанционное образование существенно различается. Во многих странах с низкими доходами широкополосный интернет работает плохо, с перебоями или

вообще практически недоступен. Нередко случаются перебои с электричеством. Подобные проблемы иногда встречаются и в отдаленных уголках богатых стран. У многих студентов, особенно если речь идет о студентах в странах с низкими доходами или о студентах из небогатых семей, нет доступа к современным компьютерам, а учиться через смартфон довольно трудно. В небогатых вузах техническая, учебная и прочая инфраструктура, необходимая для обеспечения качественного дистанционного образования, обычно плохо развита. Это особенно характерно для растущего сектора частного высшего образования, в котором обучаются около половины всех студентов в мире. К тому же доступ в интернет для некоторых студентов и преподавателей оказывается ограничен из-за систем сетевой защиты, используемых из соображений безопасности или из политических соображений.

Студенты

Студенты, вынужденные заниматься онлайн, похоже, не в восторге от онлайн-обучения. Существующие данные, хоть и очень приблизительные, показывают, что студенты испытывают чувство всеобщей неудовлетворенности. И они менее склонны активно участвовать в занятиях. Это особенно заметно на уровне бакалаврского образования, наименее привычного к онлайн-обучению и работающего со студентами, которые заинтересованы во взаимодействии с преподавателями и сокурсниками. Общее чувство недовольства может быть вызвано тем, что переход к онлайн-обучению произошел неожиданно, без надлежащей подготовки как со стороны преподавателей, так и со стороны студентов. Отсутствие мотивации к онлайн-обучению наверняка станет проблемой для будущих студентов, которые должны начать обучение осенью этого года. Возникают опасения, что, пока вузы работают исключительно онлайн, многие предпочтут отложить начало учебы. Так наверняка поступят и многие международные студенты.

Преподаватели

Сотрудники вузов в целом настроенно относятся к онлайн-преподаванию. До пандемии COVID-19 у определенного круга преподавателей из некоторых стран уже был опыт онлайн-работы, но можно с уверенностью утверждать, что у большинства преподавателей такого опыта не было, хотя многие университеты давно продвигают онлайн-образование. Из-за текущего кризиса преподаватели неожиданно, без всякой подготовки оказались в потоке онлайн-образования. Специалистам в сфере IT и онлайн-образования пришлось в срочном порядке обеспечивать экспресс-обучение преподавателей. И хотя большинство вузовских преподавателей действительно старается, представителям определенной возрастной группы (а они составляют большую часть профессорско-преподавательского состава вузов) не хватает опыта и уверенности в себе, чтобы освоить новые, незнакомые методы и технологии.

Разработка высококачественных онлайн-курсов требует соответствующих навыков, новых педагогических подходов и денег. Правда в том, что в текущих условиях, когда приходится быстро подстраиваться под реалии дистанционного образования, все эти ресурсы в дефиците. Более того, большинство вузовских преподавателей утверждает, что дистанционное обучение требует больше времени на подготовку, чем очное, при этом на результаты обучения это никак не влияет, а уровень удовлетворенности падает.

Неадекватный формат

Естественно, многие курсы и предметы плохо приспособлены к дистанционному образованию или по крайней мере требуют незаурядной изобретательности и дополнительных ресурсов. Возглавляют проблемный список, конечно, естественно-научные курсы, в основе которых лежит лабораторная работа. Студенты должны научиться работать с реагентами, проводить эксперименты и вообще привыкнуть к работе в лаборатории. Образовательные программы по различным направлениям в области искусств, таким как танец, музыка или театр, тоже плохо приспособлены к онлайн-формату.

Сообщество или его отсутствие

Традиционные поточные лекционные курсы для студентов бакалавриата обычно не способствуют глубинным интеллектуальным изысканиям, однако они могут быть довольно результативными при наличии хороших дискуссионных семинаров. Многие жалуются, что дистанционные занятия не обеспечивают подходящие условия для групповой работы, для укрепления связей внутри группы, для общения между студентами или между преподавателями и студентами. Конечно, существуют новые технические решения и педагогические разработки, которые помогают облегчить ситуацию, но они доступны далеко не всем или же требуют от преподавателей существенных усилий.

Экзамены

Одна из основных проблем сейчас — как проводить экзамены. Письменные задания, так же как и написание и защиту дипломных работ, легко выполнять онлайн. Но когда речь заходит об экзаменах (а это наиболее распространенная форма проверки знаний, особенно в бакалавриате и на курсах с большим числом студентов), многие озабочены проблемой подлогов, а также обеспечением неприкосновенности частной жизни (в контексте использования специального программного оборудования для отслеживания недобросовестного поведения во время онлайн-экзаменов). По данным Нидерландского союза студентов, безопасность алгоритмов, используемых компаниями Google, Facebook и европейским лидером в области онлайн-экзаменов ProctorExam, вызывает серьезное беспокойство. А в случае, если программа отказывает студентам в доступе, они лишаются возможности сдать экзамен, и, соответственно, их обучение затягивается.

Возможности

Наш анализ вовсе не означает, что неожиданный бум онлайн-образования стоит рассматривать исключительно как отрицательный феномен. Безусловно, появляются и новые возможности — все зависит от того, как вузы воспользуются полученным опытом. Использование информационных технологий может получить более широкое распространение в обучении и науке. Преподаватели могут чаще сотрудничать с коллегами из-за рубежа и организовывать гостевые лекции с участием экспертов, чье мнение раньше можно было только прочитать в учебниках, что способствует расширению программы обучения. Как мы и многие другие говорим на протяжении уже многих лет, существуют различные альтернативы обучению за рубежом: речь идет о коллаборативном международном онлайн-образовании, внутренней интернационализации и интернационализации учебных планов. Однако реализация всего этого требует воли со стороны руководства, стратегического планирования, стабильной поддержки преподавателей, ресурсов и времени, — организовать все экспромтом не получится.

Дистанционное образование получило сейчас — в силу необходимости — повсеместное распространение. Однако это вовсе не означает, что оно эффективно.

Непонятное будущее

Дистанционное образование получило сейчас — в силу необходимости — повсеместное распространение. Однако это вовсе не означает, что оно эффективно. Уже есть данные, показывающие, что многие студенты бакалавриата недовольны тем, что им приходится заканчивать семестр онлайн. Наверняка возрастет процент отсева. Студенты бакалавриата отдадут предпочтение очному образованию в силу ряда причин. Впрочем, гибридное и комбинированное обучение (когда дистанционные курсы интегрированы в традиционные, очные образовательные программы), уже популярное во многих странах, наверняка получит дальнейшее распространение. Но как массовые открытые онлайн-курсы, начавшие развиваться примерно десять лет тому назад, не привели к предсказанной многими образовательной революции, так и нынешний поспешный массовый переход

на дистанционное образование вряд ли запустит новую революцию. Впрочем, хочется надеяться, что он поспособствует усовершенствованию и повышению качества образовательных курсов и программ путем интеграции онлайн-аспекта в традиционные образовательные модели.

Дистанционное образование и мировой спрос

Нил Кемп

*Нил Кемп — офицер ордена Британской империи, консультант по вопросам международного высшего образования, член Совета по образованию Содружества наций.
E-mail: neil.kemp@nkeducation.com.*

В последние пять лет международный спрос на британское дистанционное образование переживал период застоя, и это несмотря на то, что многие университеты прилагали усилия для того, чтобы привлечь больше международных студентов. По последним данным, на дистанционных программах британских университетов обучается 120 тысяч студентов, живущих за пределами Соединенного Королевства. Это уровень пятилетней давности, и это при том, что за это время еще три британских университета создали несколько масштабных партнерских программ в области дистанционного образования, — без этих программ текущие показатели были бы на 11% ниже, чем пять лет назад.

Для вузов развитие дистанционного образования — это способ повысить число международных студентов, а британские власти, стремящиеся сократить приток мигрантов в страну, заинтересованы в том, чтобы университеты не зачисляли слишком много иностранных студентов на очные программы. Некоторым университетам Соединенного Королевства удалось добиться высоких показателей роста благодаря новаторскому и прицельному подходу. Эдинбургский университет, к примеру, предлагает целый набор онлайн-овых магистерских программ, университеты Солфорда и Южного Уэльса разработали совместные программы с европейскими партнерами, а Университет Западной Шотландии достиг аналогичных результатов в Индии. Стоит отметить, что наличие партнеров крайне необходимо, поскольку партнеры на местах помогают с реализацией учебных программ, рекламой и привлечением студентов.

Где живут студенты дистанционных программ?

Дистанционные программы британских вузов, ведущие к получению диплома, доступны более чем в 200 странах мира, но больше всего студентов таких программ живет в странах, исторически поддерживающих тесные связи с Великобританией. Это Гонконг, Канада, Кипр, Пакистан, Сингапур и США. Совсем иной контингент представляют иностранцы, приезжающие в Великобританию получать очное высшее образование: в десятку стран, отправляющих больше всего студентов в Соединенное Королевство, входят Китай, Индия, Германия и несколько других государств Евросоюза.

Проблема дистанционных программ заключается в географической размазанности спроса: среди более чем 200 стран, чьи граждане получают британское дистанционное образование, 104 страны представлены менее чем сотней студентов каждая. В некоторых странах явно выделяются вузы-лидеры: так, один британский университет отвечает за 95% кипрских студентов, получающих дистанционное образование, другой — за 87% пакистанских.

Глобальные поставщики образовательных услуг

Имеющиеся сегодня данные ограничены, но они позволяют оценить количество международных студентов, получающих дистанционное высшее образование на английском языке, примерно в 400 тысяч. Ведущие страны, предоставляющие подобное образование, — это Великобритания, США, Австралия, Индия, Канада, Новая Зеландия и ЮАР. В Австралии количество студентов, которые получали высшее образование, находясь за рубежом на протяжении всей учебы, достигло в 2017 году 7390 человек, что оказалось на 5% меньше, чем годом ранее. Еще 6850 студентов учились очно-заочно. Данные по США (за 2018 год) показывают, что за пределами страны проживало 42 600 студентов, зачисленных в американские вузы, и что их количество росло на 5% в год. Это скромные цифры в сравнении с британскими показателями, особенно с учетом того, что 3 миллиона американских студентов получают полностью дистанционное высшее образование, а еще 6 миллионов очных студентов американских вузов проходят часть курсов онлайн. Может быть, широкий выбор уже имеющихся в США дистанционных образовательных программ обеспечит стране дальнейший прирост международных студентов?

Размер имеет значение

Можно ли выявить оптимальные размеры, говоря об академической и финансовой целесообразности дистанционного высшего образования? Показательная статистика: в 2018–2019 году всего на три из более чем сотни британских вузов, предлагающих дистанционное высшее образование, приходилась почти

половина всех дистанционных студентов. В каждом третьем университете училось менее 100 дистанционных студентов. Можно говорить об асимметричном распределении, и, хотя при более близком рассмотрении картина оказывается более неоднозначной, низкие показатели многих вузов указывают на то, что им сложно выстроить жизнеспособное дистанционное образование.

Асимметричное распределение также характерно для Австралии и США. По данным на 2018 год, в большинстве из 1100 американских вузов, предлагавших дистанционное высшее образование, училось менее 100 студентов, проживавших за пределами страны, а 40% международных дистанционных студентов приходилось всего на семь университетов. В Австралии лишь один вуз мог похвастаться тем, что у него больше 1000 международных дистанционных студентов, всего пять из 56 вузов — тем, что у них более 500 таких студентов, а в большинстве австралийских вузов количество международных дистанционных студентов не достигало и до сотни. Если студентов мало, то и доходы у вузов низкие, а значит, им, скорее всего, не удастся покрыть расходы на разработку и реализацию дистанционных учебных программ. К тому же ценообразование в сфере дистанционного высшего образования представляется непонятным. Так, стоимость обучения на дистанционных программах MBA, предлагаемых государственными университетами Великобритании, варьируется от 8 до 40 тысяч фунтов в год.

Приведенные выше факты наталкивают на мысль о грядущей оптимизации дистанционного высшего образования, которая будет связана в первую очередь с финансовыми соображениями и приведет к сокращению числа вузов, предлагающих подобные программы.

Тенденции в сфере MOOK

За последние десять лет в массовых открытых дистанционных курсах (MOOK) приняло участие 120 миллионов студентов, что, безусловно, является успехом, однако темпы прироста замедляются. В мире насчитывается 50 полноценных образовательных программ, полностью реализуемых через MOOK, но совокупное число их студентов вряд ли превышает 20 тысяч, причем более половины из них учатся на магистерской программе по информационным технологиям Технологического института Джорджии. Ключевые факторы, влияющие на популярность дистанционного высшего образования, — это цена и престиж, и Технологический институт Джорджии соответствует обоим критериям: он занимает высокие строчки в международных рейтингах и при этом полная стоимость обучения в дистанционной магистратуре составляет всего 9000 долларов США (в других, менее престижных вузах обучение в магистратуре по информационным технологиям обычно стоит более 15 000 долларов США).

За последние десять лет в массовых открытых дистанционных курсах (MOOK) приняло участие 120 миллионов студентов, что, безусловно, является успехом, однако темпы прироста замедляются.

Впрочем, большинство студентов, регистрирующихся на MOOK, проходят всего один-два курса, причем доля тех, кто доходит до конца, едва достигает 3%. Люди записываются на подобные курсы по самым разным причинам: одни — просто так, другие — из профессионального интереса, а кто-то — ради того, чтобы потом хвастаться тем, что он «учился» в престижном Гарварде или Массачусетском технологическом институте.

Возможности и проблемы

Всего в мире сейчас насчитывается около 400 тысяч студентов, получающих высшее образование дистанционно, и это довольно скромное число в сравнении с 25 миллионами человек, ежегодно участвующих в международных программах студенческой мобильности. Но есть ли у дистанционного образования перспектива роста? Его будущее по-прежнему представляется оптимистичным в силу ряда факторов: дистанционное образование обеспечивает студентам большую свободу выбора; оно дает возможность получить иностранный диплом или профессиональный сертификат; дистанционное образование устроено более гибко, и его удобнее совмещать с работой или семьей; дистанционное образование выгоднее за счет эффекта масштаба; наконец, оно открывает широкие возможности для представителей уязвимых и ущемленных групп населения вне зависимости от того, где они живут. В общем, это возможность для (практически) любого человека получать образование в любое время, при любых обстоятельствах, из любого места.

Впрочем, остается ряд трудностей: распространены культурные предубеждения против дистанционного образования — люди по-прежнему отдают уверенное предпочтение очным программам; существует проблема признания (зарубежных) дипломов о дистанционном высшем образовании; появляются липовые «вузы», подрывающие репутацию дистанционного образования в целом; стоимость обучения остается прежней; дистанционное образование конкурирует с появляющимися на местах новыми программами, в большей мере отвечающими местным потребностям.

Впрочем, мировой спрос на образование не иссякает, и будут появляться все новые, более изобретательные подходы к обучению. Дистанционное образование — это просто еще один метод, который может использоваться параллельно очному образованию или в сочетании с ним. Вузы, которые раздумывают о том, чтобы заняться дистанционным образованием, должны четко понимать, в чем их интерес, и уметь интегрировать дистанционное образование в свою международную стратегию, руководствуясь данными о мировом спросе на подобные услуги. Помимо серьезных намерений потребуются долгосрочные инвестиции (примерно на десять лет); нужно выявить приоритетные рынки, разработать актуальные образовательные программы и методики обучения, наладить взаимовыгодные международные партнерства и увязать дистанционные и очные программы друг с другом таким образом, чтобы студенты получили возможность с большей легкостью переводиться с одних на другие. Терпеливость, чуткость и упорство — вот наиболее ценные ресурсы.

COVID-19

На момент написания этой статьи ситуация в мире была очень переменчивой, но уже видно, что многие вузы обратились к онлайн-решениям. Это скоротечный феномен или же текущая ситуация окажет долгосрочное влияние на отношение вузов и абитуриентов к онлайн-образованию? Подавляющее большинство проводившихся ранее опросов среди студентов показывает, что они отдадут решительное предпочтение очным программам. Наиболее привлекательные аспекты очного образования сложно воссоздать в онлайн-формате, поскольку они предполагают личное взаимодействие — с преподавателями, с другими студентами, с работодателями. Но что, возможно, изменится, так это то, что доля онлайн-курсов в рамках традиционных образовательных программ наверняка возрастет, что наблюдается в США на протяжении уже нескольких лет.

Национальные стратегии интернационализации в странах с низкими и средними доходами

Ханс де Вит

*Ханс де Вит — директор Центра по изучению международного высшего образования Бостонского колледжа (США).
E-mail: dewitj@bc.edu.*

Статья подготовлена по материалам исследования, выполненного Центром по изучению международного высшего образования Бостонского колледжа по заказу Всемирного банка и доступного по ссылке: CIHE Perspectives no. 12: Hans de Wit, Laura E. Rumbley, Daniela Crăciun, Georgiana Mihut, and Ayenachew Woldegiyorgis, International Mapping of National Tertiary Education Internationalization Strategies and Plans (NTEIPs), 2019.

Правительства стран с низкими и средними доходами все чаще рассматривают интернационализацию высшего образования как значимый фактор экономического роста, развития торговли и улучшения репутации. В свете активизации студенческой и академической мобильности, распространения международных филиалов вузов и международных поставщиков образовательных услуг, а также повышения конкуренции за международные кадры вузы и правительства мобилизуются для наращивания и контроля интернационализации.

Разработка национальных стратегий и планов по интернационализации высшего образования — наиболее естественный и заметный шаг, который правительство может сделать, если хочет взять на себя активную и решающую роль в управлении интернационализацией, однако наблюдаются существенные различия между разными странами в плане выбора подхода и расстановки приоритетов. Стоит отметить, что особенно серьезное внимание интернационализации уделяют власти Австралии, Германии, Канады, Нидерландов, Новой Зеландии и Франции.

Международный сравнительный анализ политики в сфере интернационализации, проведенный Данией Крачун (Crăciun 2018), показал, что официальная стратегия интернационализации есть всего у 11% изученных стран и что большинство подобных документов было принято в течение последнего десятилетия. Подобные стратегии есть главным образом в странах с высокими доходами — 75% этих стран являются членами Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Европа вырвалась вперед в плане продвижения стратегического подхода к интернационализации на национальном уровне: именно в Европе расположено две трети стран, имеющих соответствующую стратегию.

Вышесказанное, однако, не означает, что другие страны не предпринимают никаких шагов к развитию интернационализации. Напротив, многие страны принимают и прямые (например, пересмотр визовой политики и обеспечение послаблений международным студентам и ученым, налаживание дву- или многосторонних договоренностей путем подписания меморандумов о намерениях, содействие транснациональному образованию путем снятия пошлин), и косвенные (например, политическая поддержка интернационализации и обеспечение

автономии вузов в международной деятельности) меры для поддержки связанных с интернационализацией процессов.

Национальная политика как катализатор

Впрочем, стратегии и планы в сфере интернационализации по-прежнему разрабатываются в первую очередь на институциональном уровне. И большинство вузов живут в контексте отсутствия единой национальной политики интернационализации. Даже если национальная стратегия существует, то какие-то вузы могут действовать в соответствии с ней, а какие-то — вопреки. Национальная стратегия может как служить катализатором процессов, так и тормозить их, но в большинстве случаев ее наличие считается положительным фактором развития интернационализации. Разработка национальной политики в сфере интернационализации позволяет согласовать ее с другими ключевыми национальными приоритетами, таким как экономический рост и национальная безопасность. Наличие стратегических документов национального уровня создает благоприятные условия для того, чтобы вузы и люди самостоятельно содействовали достижению национальных стратегических целей через интернационализацию. Короче говоря, наличие национальных планов и стратегии в области интернационализации не только дает хорошее общее представление о различных проявлениях интернационализации, но и способствует выработке необходимых мер в этой сфере.

Но было бы неверно думать, что в основе всех этих национальных стратегий лежат единые принципы и подходы. Существуют различия политического и практического уровня между странами с высокими, средними и низкими доходами (а также внутри этих групп). Наблюдаются также различия на уровне эксплицитных и имплицитных стратегий и практик: так, у одних стран есть четко прописанные планы, а у других нет, но при этом все равно предпринимают хорошо продуманные шаги.

Ключевые показатели

В целом на основе имеющейся литературы можно выделить несколько ключевых показателей, которыми можно руководствоваться для более системного анализа национальной политики в сфере интернационализации.

Участие государства. Власти могут участвовать в интернационализации напрямую (например, принимая конкретные документы, направленные на продвижение интернационализации, и выделяя для этого целевые средства) или опосредованно (например, поддерживая международный дискурс и позволяя вузам заниматься интернационализацией, но тогда за собственный счет).

Вовлеченные стороны. Они могут представлять широкий спектр акторов, работающих в сфере высшего образования, включая министерства (образования, иностранных дел) и иные национальные органы власти, частный сектор, международные организации, региональные органы и институты и т.д.

История. Хотя власти многих государств давно поддерживают интернационализацию опосредованно, ясные и конкретные стратегические документы и планы стали появляться лишь недавно.

Географический фокус. В целом наблюдается усиление регионального акцента интернационализации. Лучший пример с точки зрения регионализации — это Европа. Если же смотреть на мир в целом, то для европейских стран, в отличие от других регионов мира, довольно характерно наличие национальной стратегии интернационализации.

Тактический фокус. Одни стратегии носят достаточно общий характер, другие описывают конкретные задачи или направления деятельности, задающие спектр интересов (например, входящая или исходящая мобильность).

...страны с низкими и средними доходами перенимают множество аспектов западной парадигмы интернационализации и уделяют слишком много внимания вопросам мобильности, репутации и брендинга, а также отношениям между «глобальным Югом» и «глобальным Севером».

Эффективность. Об эффективности подобных национальных стратегий пока мало что известно. Это объясняется тем, что большинство из них принято относительно недавно. Соответственно, и исследований по оценке эффективности данного инструмента практически нет. Пока приходится полагаться на отрывочные данные или на данные, в основу которых легли количественные измерения, связанные с трансграничной интернационализацией (то есть с международной студенческой мобильностью).

Политическая мимикрия

В странах с низкими и средними доходами процесс выработки национальной политики идет обычно централизованно, сверху вниз; страны «глобального Юга» зачастую ориентируются на страны «глобального Севера», и основные принципы их политики связаны обычно либо с входящей мобильностью (как в случае Индии, например), либо с исходящей мобильностью (как в случае Бразилии), либо с двусторонней мобильностью. Мобильность — центральный элемент большинства стратегий и планов, далее, по мере приоритетности, места занимают исследования и сотрудничество в сфере подготовки научных публикаций; сети и консорциумы; повышение качества образования и стремление к соблюдению международных стандартов. О «внутренней интернационализации» и об «интернационализации учебных планов» практически не говорят, равно как и о политике по вопросам использования национальных и иностранных языков. То же относится и к таким темам, как социальная справедливость, инклюзия и равенство возможностей. Но хотя количество стратегий увеличивается, приходится говорить о своего рода «политической мимикрии»: страны с низкими и средними доходами перенимают множество аспектов западной парадигмы интернационализации и уделяют слишком много внимания вопросам мобильности, репутации и брендинга, а также отношениям между «глобальным Югом» и «глобальным Севером». При этом структура и условия их стипендиальных программ, географические приоритеты и выбор образовательных и научных партнеров только содействуют дальнейшему укреплению доминирующего положения богатых стран. Чтобы порвать с навязанной богатыми странами парадигмой интернационализации и разработать собственные стратегии и программы с учетом местных, национальных и региональных конкурентных преимуществ, контекста и культуры, нужно укреплять сотрудничество на региональном уровне (сети и партнерства между странами «глобального Юга») и уделять больше внимания интернационализации учебных планов в вузах собственных стран.

.....

Как университеты Германии завоевывают расположение международных студентов

Симон Моррис-Ланге и Корнелия Шу

Симон Моррис-Ланге — заместитель директора исследовательского подразделения Экспертного совета германских фондов по вопросам интеграции и миграции (SVR Migration). E-mail: morris-lange@svr-migration.de.

Корнелия Шу — управляющий директор SVR Migration. E-mail: schu@svr-migration.de.

Сегодня в университетах Германии учится больше студентов, чем когда бы то ни было. Но они распределены по стране неравномерно. Проведенное недавно исследование на тему “Countering Demographic Decline – How Germany’s Shrinking Universities Attract and Retain International Students” показало, что сейчас в Германии в каждом шестом из 263 государственных университетов и университетов прикладных наук студентов (существенно) меньше, чем в 2012 году. Причина тому — демографический спад. Из-за низкой рождаемости и снижения численности населения в некоторых регионах Германии количество местных студентов во многих вузах сокращается. Вот почему некоторые вузы сейчас уменьшаются. Это уже коснулось 41 университета, причем эта тенденция только усиливается. Описываемые процессы также усугубляют нехватку кадров на национальном рынке труда, которая уже ощущается в ряде секторов, в частности в машиностроении.

Привлечение международных студентов

Университеты, которым приходится уменьшиться в размерах, по-разному реагируют на сокращение числа местных абитуриентов. В 26 вузах параллельно этому существенно возросло число иностранных студентов — на целых 42% за период с 2012 по 2017 год. И хотя иностранцы все еще составляют лишь небольшую долю учащихся этих вузов (всего 12%), их присутствие, безусловно, помогает компенсировать нехватку местных студентов. В будущем наличие иностранных студентов также поможет этим вузам стать более заметными на международной арене.

Последние демографические прогнозы дают понять, что проблемы, которые сейчас испытывает одна шестая немецких вузов, в скором будущем встанут

и перед остальными вузами страны, а также перед вузами других европейских государств. Соответственно, опыт тех вузов, которые уже столкнулись с этими проблемами, может оказаться очень актуальным для остальных вузов. Вот почему Экспертный совет германских фондов по вопросам интеграции и миграции провел исследование о том, что именно вынужденно сокращающиеся вузы делают для привлечения международных абитуриентов, как они помогают абитуриентам подготовиться к учебе и что они делают для того, чтобы удержать выпускников-иностранцев на местном рынке труда.

Немецкие вузы, которые вынуждены уменьшаться в размерах, не так известны за рубежом, как университеты, расположенные в крупных городах или занимающие высокие позиции в международных рейтингах. Но даже эти относительно малоизвестные вузы выигрывают за счет того, что немецкое высшее образование пользуется большим спросом, а стоит при этом гораздо дешевле, чем в других странах. Тем не менее существуют проблемы системного характера, затрудняющие привлечение иностранных студентов: процедура поступления в немецкие вузы очень запутанная, студенческие визы зачастую выдаются с опозданием, многие абитуриенты вынуждены тратить массу времени и денег на то, чтобы подтвердить обладание необходимыми для учебы языковыми и академическими навыками. Проведенное исследование показало, что, несмотря на сокращение, университеты все лучше справляются с описанными препятствиями. Они активно выходят на контакт с потенциальными международными абитуриентами, которые уже находятся, образно говоря, «на полпути» в Германию, например с учащимися немецких языковых школ или зарубежных вузов- и школ-партнеров, а также все чаще через интернет и соцсети.

Новые пути подготовки

Впрочем, привлечение абитуриентов — это еще не все. Еще один повод для беспокойства — это показатели отсева. В Германии отсеивается в среднем 45% всех иностранцев — студентов бакалавриата и 29% иностранцев-магистрантов. Среди студентов-немцев эти показатели составляют 28% и 19% соответственно. Как показало наше исследование, для снижения отсева вузы организуют для студентов курсы немецкого языка, ориентационные программы и другие виды помощи. Но подобная помощь доступна не всем учащимся, да и получают ее только те, кто сам активно искал какой-то поддержки. Многие студенты-иностранцы слишком долго ждут, прежде чем начать выяснять, какие виды помощи им вообще доступны, а некоторые и вовсе никогда этого не делают. Вот почему плохие оценки и другие «звоночки» нередко остаются незамеченными до тех пор, пока не станет уже слишком поздно. В Германии давно существуют одногодичные колледжи (штудиенколлег), отвечающие за подготовку иностранных студентов

к обучению в вузе. В дополнение к этим колледжам некоторые университеты начали открывать собственные подготовительные программы продолжительностью в один или два семестра. Развитие подобных альтернативных путей подготовки к обучению в немецких университетах может стать ключевым фактором студенческой успеваемости. Пока, впрочем, правом открывать подобные программы, прохождения которых включало бы в себя сдачу вступительных экзаменов в университет, обладают вузы всего лишь пяти из 16 федеральных земель (Бранденбург, Бремен, Саар, Северный Рейн-Вестфалия и Тюрингия). Но даже в этих федеральных землях процесс разработки и апробации подобных программ еще не закончен.

...проблемы, которые сейчас испытывает одна шестая немецких вузов, в скором будущем встанут и перед остальными вузами страны, а также перед вузами других европейских государств.

Будущие трудовые мигранты

Международных студентов все чаще воспринимают не только как учащихся, но и как высококвалифицированных мигрантов, которые могут помочь экономике Германии нивелировать маячащий перед страной (а особенно в городах с вынужденно сокращающимися университетами и вокруг них) кадровый голод. Вот почему университеты таких городов предлагают — иногда даже в сотрудничестве с региональными организациями-партнерами — дополнительную поддержку иностранцам, которые хотели бы там остаться. Главная цель — помочь выпускникам-иностранцам встроиться в немецкий рынок труда. Вузы обеспечивают международным студентам возможность участвовать в разработанных специально под их нужды семинарах по планированию карьеры и знакомят их с местными компаниями. Пока подобные специализированные инициативы осуществляются за счет проектных грантов федерального правительства и федеральных земель, а также за счет средств Европейского союза. Но удастся ли найти новые средства, когда закончится временное государственное финансирование, пока неизвестно.

Предостережение стареющей Европе

Одна шестая университетов Германии уже столкнулась с вышеописанными и другими проблемами. В будущем, однако, они встанут и перед другими университетами страны, а также других европейских государств. Вот почему вузам и их партнерам стоит разработать более гибкие варианты поступления для иностранцев и обеспечить их необходимой поддержкой. К тому же необходимо облегчить иностранцам выход на рынок труда. В качестве одного из шагов в правильном направлении можно назвать запуск в апреле 2020 года второго этапа германской правительственной программы «Интеграция беженцев в высшее образование», участвовать в которой могут все студенты-иностранцы.

.....

Управление интернационализацией в условиях непростого научного ландшафта

Томми Ши

Томми Ши — стратегический консультант Шведского фонда интернационализации науки и высшего образования и старший советник по вопросам стратегической интернационализации при Университете Лунда (Швеция). E-mail: tommy.shih@stint.se.

В последнее десятилетие вузы всего мира в своих стратегических документах стали уделять большое внимание интернационализации. В контексте исследовательской работы под интернационализацией подразумеваются процессы и виды деятельности, направленные на внедрение в науку международного измерения с целью повышения ее качества и степени влияния. На практическом уровне интернационализация уже оказывает положительный эффект на науку: повышается исследовательская продуктивность и качество работы, быстрее распространяются сведения о научных открытиях, расширился доступ к ресурсам, ускорились процессы разработки и циркулирования идей. Широко признан тот факт, что интернационализация создает дополнительные преимущества для функционирующих в определенном национальном контексте исследовательских и образовательных организаций, но в последнее время интернационализацию также стали включать в список стратегических интересов национального и институционального уровня, поскольку с каждым годом все

больше стран оказывается вовлечено в интенсивную и высококачественную исследовательскую деятельность. Среди них есть и страны, которые раньше не были сильны в науке.

На общем фоне особенно выделяется Китай. В настоящий момент именно китайские ученые публикуют больше всего научных статей в мире. При этом Китай — полная противоположность США и Европы по многим показателям, в том числе по качественным. Китай вкладывает в науку и исследования в общей сложности больше, чем Европейский союз. Китай — не единственная страна, где резко увеличилась научная продуктивность. Такие страны, как Индия, Катар, Пакистан, Саудовская Аравия, Сингапур и Южная Корея, тоже существенно повысили свой научный потенциал. Все это не прошло незамеченным в академических и политических кругах Европы и не раз становилось предметом различных дискуссий как на уровне отдельных стран, так и в многостороннем формате.

Усиление бдительности в Европе

В последнее время руководителям европейских вузов пришлось больше заниматься разнообразными темами, связанными с интернационализацией науки, например изучать правила контроля за экспортом, вопросы национальной безопасности, правила защиты данных, проблему аутсорсинга неэтичных научных исследований в страны с низкими доходами и т.д. Многие страны мира, включая США, осознали необходимость структурированного подхода к подобным проблемам. В Швеции представители академического сообщества, гражданского общества и властей все чаще говорят о том, что нужен ответственный подход к интернационализации. Руководители вузов озабочены в первую очередь необходимостью взвешивать все плюсы и минусы международных проектов. Особенно это касается совместных проектов с партнерами — представителями стран с быстро растущим исследовательским потенциалом, стран, пользующихся дурной славой из-за коррупции или нарушений прав человека, или просто недемократических стран.

Шведская сеть исследовательских университетов, куда входят Университет Лунда, Каролинский институт и Королевский технологический институт, недавно начала вместе со Шведским фондом интернационализации науки и высшего образования разрабатывать правила этичной интернационализации и призывает ученых, участвующих в международных проектах, к более глубокой рефлексии. Это особенно важно, когда речь идет о совместных проектах с представителями авторитарных стран либо стран со слишком быстро развивающимся научным потенциалом. При реализации подобных проектов необходимо искать баланс между преимуществами и сопряженными с работой в подобных условиях рисками. Хотя чаще всего совместные проекты зарождаются по инициативе отдельных людей, важно осознавать, что научная работа

всегда происходит в определенном институциональном контексте и что в разных вузах могут быть разные нормы и правила. Риски могут быть сопряжены с разными вещами. Как показали мои беседы с учеными, а также с административными сотрудниками и техническим персоналом шведских вузов, они особенно обеспокоены проблемами личной безопасности исследователей и испытуемых; проблемой аутсорсинга неэтичных научных исследований в страны с низкими доходами; разработками двойного назначения; ограничениями академической свободы; репутационными рисками для вузов или отдельных исследователей. Кроме того, они боятся, что к ним будут относиться с подозрением из-за самого факта связи с учеными из определенных стран.

Конечно, вышеперечисленные риски актуальны не только для исследователей, сотрудничающих с коллегами из развивающихся в научном плане стран, но и для тех, кто работает с учеными из богатых/западных стран. Но в целом в странах, которые слишком быстро наращивают исследовательский потенциал, нередко наблюдается отставание в плане развития соответствующего законодательства и нехватка опыта в борьбе с, например, этическими нарушениями или нарушениями права интеллектуальной собственности. Вдобавок к этому авторитарные режимы часто подвергаются критике из-за нападков на академическую свободу и несоблюдения прав человека. Все это, однако, не должно накладывать ограничения на развитие международного научного сотрудничества, за исключением очевидных случаев, если, например, подобная научная деятельность нарушает права человека, если откровенным образом попирается академическая свобода или если идет речь о непосредственной опасности для жизни испытуемых.

Долгосрочное решение предполагает открытые границы и свободу заниматься наукой, но ответственным образом.

Необходим более структурный подход

Долгосрочное решение предполагает открытые границы и свободу заниматься наукой, но ответственным образом. Как показывает история, совершенно необходимо и дальше развивать науку на благо всего человечества и искать решения глобальных задач. Но при этом не стоит закрывать глаза на очевидные трудности, встающие перед нами в условиях расширения мирового научного ландшафта и размывания границ между наукой, политикой и бизнесом. Отныне

интернационализацией нужно заниматься более осознанно и ответственно. Это касается в том числе лично каждого ученого. В связи с этим упомянутая выше сеть шведских университетов должна проанализировать ряд ключевых аспектов совместной международной деятельности: как проводятся совместные проекты, с кем и почему; институциональная автономия; культурный и социальный контекст; юридический контекст; научная этика.

Вузы и их начальство должны понимать, что они отвечают за то, чтобы создать для исследователей, вовлеченных в международные проекты, благоприятную, хорошо структурированную и обеспечивающую доступ ко всей необходимой информации рабочую среду. Чтобы адекватно выявлять, оценивать, отслеживать возможности и риски, связанные с международным сотрудничеством, и уметь ими управлять, необходимы отлаженные структурные процессы, административная поддержка и прочие ресурсы. Вместо того чтобы чинить препятствия международным проектам, университетам стоит совершенствовать систему управления интернационализацией с целью снижения рисков и расширения возможностей на благо всех вовлеченных сторон.

.....

Центральная Азия: движение с разной скоростью

Фархад Алимухамедов

Фархад Алимухамедов — исследователь, постдок в Лаборатории социально-политических исследований (LaSSP) Института политических исследований в Тулузе (Sciences Po Toulouse) и в лаборатории LabEx SMS Тулузского университета (Франция).

E-mail: farkhadalimukhamedov@univ-toulouse.fr.

Несмотря на относительную географическую изолированность Центрально-Азиатского региона, развитие высшего образования в расположенных в нем странах оказалось под значительным влиянием глобальных тенденций. Если в переходный период, наступивший после распада Советского Союза, рассматриваемые пять стран — Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан — испытывали схожие проблемы, то со временем в каждой из них сформировался собственный, отличный от других подход к интернационализации. Например, Казахстан подписал Болонскую декларацию и присоединился к Зоне европейского высшего образования

в 2010 году, а Туркменистан перешел на двухступенчатое высшее образование по системе «бакалавриат — магистратура» только в 2013 году.

Большие перемены начинаются с малого. В начале 1990-х годов некоторые университеты (например, Университет КИМЭП в Казахстане и Университет Центральной Азии в Кыргызстане) стали открывать англоязычные учебные программы. Несколько лет спустя в регионе впервые появились новые университеты, созданные вместе с зарубежными партнерами (Казахстанско-Британский технический университет, Кыргызско-Российский Славянский университет), а также филиалы иностранных вузов (например, Международный Вестминстерский университет и филиал Туринского политехнического университета в Узбекистане). Сегодня власти Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана проводят реформы в вопросах признания дипломов и привлечения иностранных сотрудников и студентов, что подтверждает интерес к интернационализации в этих странах.

Студенческая мобильность как приоритет интернационализации

Большую роль во всех пяти странах играет студенческая мобильность. Сейчас основная часть обучающихся за границей граждан этих стран относится к категории «фримуверов», то есть обучаются за рубежом по собственной инициативе и за собственный счет. Если принять во внимание увеличение количества акторов, вовлеченных в развитие международной студенческой мобильности в регионе, сокращение препятствий к исходящей мобильности и упрощение перезачета пройденных за рубежом курсов, то можно спрогнозировать рост числа фримуверов в ближайшие годы. По данным Института статистики ЮНЕСКО, доля исходящей мобильности в Центральной Азии превышает 10%, что делает этот регион мировым лидером по данному показателю. В 2016 году за пределами родины обучалось более 90 тысяч казахстанцев (в 2019 году — около 70 тысяч), что составляло более 11% от общего числа студентов страны. Однако это все равно ниже целевого показателя, обозначенного в Стратегии академической мобильности Республики Казахстан на 2010–2020 годы, в которой зафиксировано, что к 2020 году мобильными должны были стать 20% казахстанских студентов. Хотя в абсолютных цифрах Узбекистан уступает Казахстану (34 тысячи студентов за рубежом в 2017 году), в относительном выражении в исходящей мобильности участвует уже более 12% студентов страны, и этот показатель стабильно растет. Единственная страна региона, где число граждан, обучающихся за рубежом (в 2014 году их насчитывалось 47 456), даже превышает число студентов внутри страны, — это Туркменистан. Данные ЮНЕСКО показывают, что в странах Центральной Азии число исходящих студентов существенно превышает число входящих. Исключение составляет Кыргызстан, где в 2017 году разница между количеством иностранных

студентов внутри страны и количеством студентов, уехавших за границу, составляла 3397 человек.

Почти 60% мобильных студентов Центральной Азии учатся в России. Это связано с относительно более высоким качеством российских университетов и их положением в международных рейтингах, а также с причинами исторического, практического и языкового характера. Данные Web of Science показывают, что именно Россия является основным научным партнером Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана. Доктор Майя Чанкселиани, доцент сравнительного и международного образования в Оксфордском университете, прибегает к мир-системной теории, объясняя тенденции исходящей студенческой мобильности на постсоветском пространстве: «Будучи на периферийном положении относительно основных стран [принимающих много международных студентов], для постсоветских стран именно Россия является основным направлением».

Если рассматривать студентов из Центральной Азии как отдельную группу, то невозможно выделить второе по популярности направление, которое было бы единым для всех. На выбор влияет множество факторов, включая политическую стабильность и экономические показатели принимающей страны, стоимость обучения и стоимость жизни. К примеру, политический кризис в Украине резко повлиял на мобильность студентов из Туркменистана, которые в некоторой степени переориентировались на Беларусь. Также возросла популярность Венгрии, Латвии, Польши и Чехии, что отражает меняющуюся динамику интереса к привлечению международных студентов в странах Центральной Европы. Резкое увеличение числа студентов, уезжающих из Казахстана в Чехию и из Узбекистана в Латвию, показывает, как мобильная молодежь из Центрально-Азиатского региона осваивает новые направления. Возможно, выбор страны обучения также связан с наличием возможностей к беспрепятственному трудоустройству. Если студенческий статус дает право на подработку, то это важный фактор для студентов, самостоятельно оплачивающих свое обучение.

...для постсоветских стран именно Россия является основным направлением.

Интернационализация: стратегия с долгосрочными целями

В большинстве стран Центральной Азии развитие интернационализации достигло важного переломного момента, когда из инструмента она становится задачей. Правительства стран и руководство вузов

постепенно меняют подход и концентрируют внимание на структурных изменениях. Интернационализация воспринимается как способ повышения качества образования, приобщения к новым педагогическим тенденциям и методам ведения исследований. Делая упор на качество образования, международное научное сотрудничество и процессы гармонизации, правительства Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана подчеркивают свой растущий интерес к образованию как способу расширения навыков межкультурного общения и повышения информированности о других культурах. Данные Scimago показывают, что научная продуктивность стран Центральной Азии все в большей степени зависит от степени их вовлеченности в международное сотрудничество. Казахстан, являясь региональным лидером по числу студентов, обучающихся за рубежом, также становится лидером по числу принимаемых иностранных студентов. По данным Министерства образования и науки Казахстана, в 2019 году в вузах страны училось более 25 тысяч иностранцев, что на 9 тысяч больше, чем годом ранее.

Международные рейтинги и международное признание начинают играть все более значительную роль при формировании национальных образовательных стратегий и планов. Хотя, как показывают международные университетские рейтинги, центральноазиатские вузы едва ли попадают в категорию престижных, следует отметить, что два казахстанских вуза вошли в топ-1400 в мире по версии рейтинга Times Higher Education за 2020 год. В рейтинге QS за 2020 год десять казахстанских вузов входят в тысячу лучших в мире, что отражает усилия, предпринимаемые политиками и представителями академического сообщества для улучшения репутации вузов своей страны. А Узбекистан стремится к дальнейшему развитию интернационализации путем расширения возможностей для действующих в стране иностранных вузов (например, в форме полного освобождения от налогов вплоть до 2023 года).

Сегодня центральноазиатские университеты стремятся использовать возникающие благодаря интернационализации возможности. Уровень участия центральноазиатских стран (в особенности Казахстана, Узбекистана и Кыргызстана) в программах «Международная студенческая мобильность» и «Повышение потенциала в области высшего образования» в рамках «Эразмус+» выше, чем у большинства остальных стран Азии. Сотрудничество с Евросоюзом также может поспособствовать усилению кооперации на региональном уровне и появлению новых возможностей. Трехстороннее сотрудничество с внешними партнерами (например, с российскими, китайскими или американскими вузами) в условиях новых рамочных программ мобильности также может оказать влияние на уровень мобильности внутри региона и на укрепление региональной идентичности молодежи Центральной Азии.

В целом анализ процессов интернационализации в этом лишенном доступа к морю регионе показывает, что со временем, помимо мобильности, возросло значение и иных элементов, например качества образования и международного сотрудничества. Впрочем, разные страны этого региона находятся на разных этапах развития интернационализации, и в будущем разрыв между ними может увеличиться еще сильнее.

Интернационализация высшего образования в Китае: внутренние барьеры

Ян Жуй

Ян Жуй — замдекана (по науке) и профессор факультета наук об образовании Университета Гонконга (Китай). E-mail: yangrui@hku.hk.

Главный принцип интернационализации высшего образования — это интернационализм. Иногда, правда, его принимают за подражание Западу в условиях мирового западного доминирования. С теоретической точки зрения подобное представление некорректно, с практической — неосуществимо. Интернационализация высшего образования должна стать своего рода двусторонним культурным обменом в более широком контексте цивилизационного взаимодействия. И ключевая роль в этом процессе принадлежит университетам, которые являются продуктом с одной стороны и поставщиком — с другой. Каждый должен и уметь учиться у других, и уметь научить других.

Хорошая история — плохой рассказчик

Исторически так сложилось, что в первом Китае всегда преуспевал, то есть отлично учился у других, а вот во втором отставал, то есть не мог научить мир тому, что умеет сам. Хотя Китай — одна из старейших непрерывно развивающихся цивилизаций на планете, он не знает, как поведать миру свою историю. Говорить о том, что китайская культура процветает во многих частях света, не приходится. За рубежом Китай по-прежнему недолюбливают или по крайней мере не любят так, как ему хотелось бы. Китай не вызывает интереса, несмотря на свою долгую и богатую историю. Китайская культура и ее атрибутика не прельщают другие народы. Даже выдающиеся достижения последних лет не дали толчка к популяризации китайской культуры в остальном мире.

Особенно заметным образом все это отражается на деятельности Институтов Конфуция, которые часто обвиняют в том, что Пекин просто использует их для распространения своей пропаганды под предлогом обучения, в том, что они препятствуют свободе слова в вузах, и даже в том, что они шпионят за студентами. Подобные обвинения и скептицизм нередко несправедливы и просто продиктованы культурными предубеждениями, однако проблемы есть и с китайской стороны, и связаны они главным образом с внутренними барьерами, существующими в китайской культуре.

Многие студенты и ученые из Китая, обучающиеся или работающие в западных вузах, сталкиваются с тем, что мало кто из коллег или сокурсников — за исключением китаистов — понимает китайскую культуру. В китайских университетах о западной культуре известно, наоборот, очень много. И это невозможно объяснить одним лишь фактом экономического и технологического отставания Китая от Запада на протяжении последних двух веков. Есть более глубинные причины.

Сосредоточенность на себе как черта китайской культуры

Китай всегда оказывал огромное влияние на соседние страны. Но при этом сами китайцы не выказывали интереса к другим культурам. Буддизм пришел в Китай из Индии более двух тысяч лет назад. Инициаторами этого стали индийские монахи, если верить «Жизнеописаниям Высоких наставников», составленным китайским ученым и монахом Хуэйцзяо (497–554 гг. н.э.) во времена государства Южная Лян. Впоследствии некоторые китайские монахи и простые верующие совершали паломничества в Индию. Но они при этом не познакомили жителей Индии с такими элементами китайской культуры, как конфуцианство и даосизм.

В «Новой книге Тан» говорится, что «Дао дэ цзин» («Книга пути и достоинства») однажды даже была переведена на санскрит. Но профессор Пекинского университета Цзи Сяньлинь утверждал, что пока не доказано, попала ли эта книга в итоге в Индию. Хотя книга была переведена на санскрит, она не оказала никакого влияния на индийскую культуру, и никаких следов ее присутствия в современной Индии нет. Во времена империи Хань (206 г. до н.э. — 220 г. н.э.) и империи Тан (618–906 гг. н.э.) многие буддистские рукописи были переведены на китайский, но вот классические китайские тексты редко переводились на санскрит и не получили в Индии практически никакого распространения.

Начиная со II века новой эры монахи из Индии и Центральной Азии регулярно приезжали в Китай. Некоторые из них даже оставались там навсегда. А вот китайские паломники начали ездить в Индию и Центральную Азию не раньше эпохи Троецарствия (220–280 гг. н.э.), и было их гораздо меньше. К тому же китайцы отправлялись в эти страны только ради

буддистских рукописей. Никто из них не пытался познакомиться Индию с китайской культурой.

В период империи Суй (581–618 гг. н.э.) в Китай начали ездить монахи и молодые ученые из Вьетнама, Кореи и Японии. Они изучали классические труды по буддизму и конфуцианству. Еще они учились китайской музыке, танцу, архитектуре и поварскому искусству. Уезжая, они увозили с собой множество самых разных китайских книг, включая художественные, исторические и жизнеописательные. Для сравнения: китайцы того периода практически не интересовались культурными традициями Вьетнама, Кореи и Японии.

В начале XIX века десятки тысяч молодых китайцев стали отправляться учиться на Запад, а в самом Китае открывались университеты западного образца, занимавшиеся распространением в китайском обществе западных идеологических и религиозных ценностей. К концу века естественные, гуманитарные и социальные науки в Китае были устроены целиком и полностью по западным образцам. Даже сейчас в Китае по-прежнему наблюдается культурный дисбаланс. Китаю пока не удалось выстроить собственную ценностно-информационную систему, которая бы соответствовала социальным и культурным потребностям общества. На протяжении последних двух веков распространением китайской культуры в Европе занимались не китайцы, а западные миссионеры. Все это время Китай продолжал активно учиться у Запада, не пытаясь при этом продвигать собственные ценности и культуру за рубежом.

...китайцы не выказывали интереса к другим культурам.

Перекосы

На протяжении своей истории Китай всегда вбирал в себя другие культуры, но при этом не занимался распространением собственной культуры в других странах. Так происходило и в лучшие для страны времена (империя Хань, империя Тан), и когда Китай был слаб (империя Великая Цин, 1644–1912 гг.). В результате жители западных стран — за исключением синологов, которых можно было перечесть по пальцам, — не знали практически ничего о китайцах и китайском обществе. У большинства из них знания о китайской культуре ограничивались красными фонариками и гонками на лодках-драконах.

Интернационализация — это обязательно взаимодействие культур по принципу «ты — мне, я — тебе». И хотя дух времени вызывает к развитию столь желанного взаимопонимания и взаимоуважения, другие

культуры, участвующие в цивилизационном взаимодействии, редко проявляют эти качества. Разные нации по-разному проявляют себя, сталкиваясь с представителями других народов, что влияет на течение и результаты интернационализации в их странах, причем эти процессы только усложняются в условиях глобальной геополитической асимметрии из-за того, что у другой стороны тоже есть свой менталитет и свои особенности.

На протяжении тысячелетий китайская культура демонстрировала незаурядную способность вбирать в себя элементы извне. Но как ни парадоксально, сама она не стремилась выйти за пределы собственных границ. В этом плане признаваемая всеми утонченность китайской культуры ей никак не помогает. Наоборот, она скорее стала причиной синоцентризма, и если раньше он был обусловлен самоуверенностью китайцев, то в период Нового времени это чувство резко сменилось комплексом неполноценности из-за следовавших одно за другим поражений. Оба чувства, впрочем, указывают на то, что китайская культура по природе своей обращена внутрь себя, она варится в собственном соку, не пытаясь выйти за рамки привычной среды. То, как китайцы воспринимают себя, окружающий мир и свое место в нем, во многом обусловлено их историей. Политическим и интеллектуальным элитам Китая давно пора отразиться этот уходящий корнями в историю вопрос.

Китайцы на протяжении веков жили в ожидании того, что иностранцы придут к ним и начнут восторгаться китайской культурой, а начиная с XIX века сами стали пересекать моря и океаны ради постижения западных истин и обучения западным знаниям. Сейчас наступила эпоха беспрецедентно развитых связей между людьми, и по мере усиления экономического потенциала Китая руководство страны стремится к усилению китайского влияния за рубежом. Однако такая черта китайской культуры, как сосредоточенность на себе, ярко проявляется и на индивидуальном, и на институциональном, и на системном уровне, так что результаты не оправдывают ожиданий. Один из примеров тому — неэффективность Институтов Конфуция. Представителям китайской системы высшего образования срочно нужно пересмотреть свое культурное мировосприятие, если они хотят наладить настоящую интернационализацию.

Новая программа подготовки кадров для достижения стратегических целей

Сяофэн Вань

Сяофэн Вань — заместитель декана по работе приемной комиссии и привлечению международных студентов в Амхерстском колледже (г. Амхерст, штат Массачусетс, США). E-mail: xwan@amherst.edu.

15 января 2020 года Министерство образования Китая объявило о масштабной реформе, которая затронет гаокао — ежегодный национальный экзамен для поступления в высшие учебные заведения. Эта реформа, известная как План по укреплению основ (FEP), направлена на то, чтобы перестроить высшее образование в соответствии с национальными стратегическими задачами, а происходить это будет путем повышения качества обучения по фундаментальным направлениям, включая математику, физику, биологию, историю, философию и китайскую палеографию. Выпускников будут распределять на работу в производственные отрасли национального значения, включая разработку высокотехнологичных чипов, программного обеспечения и систем искусственного интеллекта, создание новых материалов, разработку перспективных технологий, оборонную промышленность; кроме того, их будут направлять на работу в сферу гуманитарных и социальных наук, где Китаю пока не хватает первоклассных кадров. В пилотную группу по реализации нового плана войдет 36 университетов. Это те же 36 вузов, что получили наивысшее признание и были отнесены к университетам А-класса в рамках запущенного в 2015 году Плана создания университетов и академических дисциплин мирового класса.

В пилотную группу по реализации нового плана войдет 36 университетов.

Новая реформа также положит конец Программе независимого отбора абитуриентов (IFAP), действовавшей с 2003 года и позволявшей элитным университетам самостоятельно отбирать лучших абитуриентов, руководствуясь при этом не только результатами

гаокао, но и собственными институциональными критериями. Абитуриенты, отобранные в рамках IFAP, пользовались рядом преимуществ в сравнении со всеми остальными. Например, они могли поступить, несмотря на более низкие баллы по гаокао. Целью этой программы было позволить вузам зачислять абитуриентов, обладающих талантами в какой-то определенной сфере, но неспособных одинаково хорошо сдать все части многопрофильного экзамена гаокао. Пока действовала программа IFAP, участвовавшие в ней вузы могли практически без ограничений зачислять понравившихся им абитуриентов, но этот субъективный элемент процедуры отбора нередко становился предметом критики из-за его непрозрачности и периодически возникавших сомнительных ситуаций.

В отличие от IFAP, касавшейся только процесса отбора абитуриентов, новая реформа, в основе которой лежит определенная миссия, повлияет в предстоящие годы еще и на процессы подготовки кадров. Так, студенты, зачисленные в рамках FEP, не смогут самостоятельно выбирать направление подготовки, как это было в IFAP. Иными словами, направление их образовательной траектории на все четыре года бакалавриата и на все последующие годы обучения будет зафиксировано еще в момент зачисления.

Целевая группа и процедура отбора в рамках FEP

Участвовать в программе FEP смогут лишь две категории абитуриентов. К первой относятся те, кто набрал наивысшие баллы по гаокао, а ко второй — те, кто в дополнение к отличным результатам гаокао обладает еще и выдающимся талантом в какой-то определенной области.

В отличие от IFAP, когда основной отбор абитуриентов происходил еще до объявления результатов гаокао, в рамках FEP главным критерием отбора будет именно гаокао, а не победы на олимпиадах или наличие научных статей или патентов. Вузы будут ранжировать абитуриентов с учетом трех критериев: балл по гаокао, результаты проводимого самими университетами контроля знаний и средний балл по итогам обучения в школе. При этом результаты гаокао будут весить не менее 85% итогового балла.

Невиданные привилегии

Студенты, поступившие в вузы в рамках FEP, получат множество привилегий: возможность учиться в отдельных небольших группах под руководством первокурсников специалистов; доступ к обширным академическим ресурсам; послабления при поступлении в магистратуру и аспирантуру; стипендии и международные стажировки за счет государства; эксклюзивный доступ к лучшему исследовательскому оборудованию и лабораториям национального уровня; дополнительные возможности для карьерного развития. Сколько именно студентов сможет каждый

год участвовать в программе FEP, пока неизвестно. По крайней мере раньше доля первокурсников, которых университеты могли зачислить по программе IFAP, не могла превышать 5%.

Абитуриентов, проходивших отбор в рамках IFAP, оценивали по таким достижениям, как победы на олимпиадах, наличие научных статей и т.д. Соответственно, школьники из крупных и богатых городов по умолчанию обладали конкурентным преимуществом перед своими и без того обездоленными ровесниками из семей с низким социально-экономическим статусом, в особенности из сельской местности. А поскольку по новому плану центральную роль займет гаокао, то все абитуриенты окажутся в более или менее одинаковых условиях, и у школьников из незащищенных слоев населения будет больше шансов на поступление.

Один и тот же план, но разные подходы

В конце января 2020 года жизнь в Китае неожиданно замерла на целых три месяца из-за пандемии COVID-19. Когда ситуацию наконец удалось взять под контроль, школы по всей стране начали постепенно открываться. Первыми туда вернулись ученики старших классов, которым предстояло сдавать гаокао, перенесенный в этом году на 7–8 июля. После этого университеты пилотной группы, участвующей в FEP, наконец объявили долгожданные правила поступления.

Эти вузы бросят свои лучшие силы на подготовку студентов, отобранных в рамках FEP; для каждого будет разработан индивидуальный план обучения. 7 мая 2020 года Университет Цинхуа, который славится своими программами в сфере естественных, инженерно-технических и математических наук, опубликовал собственный план подготовки студентов первого набора в рамках FEP. Этот элитный вуз предлагает своим лучшим первокурсникам три академических трека: 1) академически ориентированная программа по фундаментальным наукам со специализацией по математике, физике или химии; 2) программа по фундаментальным наукам, направленная на подготовку будущих инженеров, со специализацией по биохимии или прикладной механике; 3) программа по гуманитарным наукам со специализацией по китайской палеографии, истории или философии. Студентов распределят по пяти специально созданным академиям, где они будут оттачивать свои навыки в соответствующих областях. Успешные студенты смогут продолжить свое обучение в магистратуре и впоследствии в аспирантуре.

В тот же день свои правила опубликовал еще один из ведущих вузов страны — Пекинский университет. Как и Университет Цинхуа, он тоже планирует поделить участников программы FEP на три группы, но акцент будет сделан на гуманитарных программах, которыми славится этот столичный вуз, в частности на программах по истории, философии и китайской палеографии, хотя первокурсники также смогут выбрать другие

направления обучения: физику, математику, естественные науки, биологические науки или медицину.

Чтобы пройти в финальную стадию отбора в вузы пилотной группы, для начала абитуриент должен набрать установленный для его провинции минимальный балл по гаокао, дающий право подавать документы в лучшие университеты страны. В дополнение к этому, если абитуриент обладает выдающимися способностями в каком-то академическом направлении, он должен подтвердить это, приложив к своим документам сертификат о том, что он занял место не ниже второго в национальном соревновании в соответствующей области.

Контроль знаний, который будут проводить сами вузы, будет охватывать не только традиционную школьную программу. Он будет еще жестче, чем и без того суровый экзамен гаокао. Абитуриенты должны будут пройти тщательную проверку в форме очного собеседования с состоящей из профессоров комиссией, причем собеседование будет записываться.

Запуск в этом году новой реформы с беспрецедентным бюджетом указывает на то, что Китай не хочет больше ни от кого зависеть в плане подготовки кадров, необходимых для стратегического развития страны. Впрочем, необычайно высокая планка отбора означает, что в новой программе сможет поучаствовать лишь незначительная доля абитуриентов, и это будут лучшие представители китайской молодежи. Тем счастливым, кто пройдет отбор, участие в программе даст уверенность в будущем как минимум на ближайшие четыре года обучения в бакалавриате, а может быть, и на последующие годы, хотя, конечно, это будет очень предсказуемое будущее.

Инициатива «Один пояс — один путь» и высшее образование

Айси Ли и Алан Руби

Айси Ли — старший преподаватель Высшей школы образования Назарбаев Университета (Астана, Казахстан). E-mail: li.aisi@nu.edu.kz.

Алан Руби — старший научный сотрудник Высшей школы образовательных наук Пенсильванского университета (США). E-mail: alanruby@upenn.edu.

Большинство комментариев к китайской стратегии «Один пояс — один путь» (также известной как «Новый Шелковый путь») посвящено вопросам, свя-

занным с инфраструктурой, с портами и железными дорогами. Учитывая, что в этот проект планируется вложить более 900 миллиардов долларов США, трудно себе представить, что он никак не затронет международное сотрудничество в академической и интеллектуальной сфере. Более того, инициатива «Один пояс — один путь» уже породила три университетских альянса.

Альянсы

В мае 2015 года в Сиане по инициативе Сианьского университета Цзяотун было объявлено о создании Альянса университетов Нового Шелкового пути (UASR). В настоящий момент в него входит 151 вуз из 38 стран и регионов, вовлеченных в создание «академического пояса» Шелкового пути, призванного способствовать региональному развитию, укреплению сотрудничества и налаживанию обменов. Хотя эта инициатива имеет четкую географическую привязку в виде Экономического пояса Шелкового пути и Евразийского региона в целом и хотя в альянсе преобладают китайские (40 или более) и российские (более 20) университеты, к нему присоединяются также члены из других регионов, включая два новозеландских вуза и более десятка французских.

В том же 2015 году представители 46 университетов из восьми стран собрались в городе Дуньхуан провинции Ганьсу, где объявили о создании Стратегического альянса университетов «Один пояс — один путь» (OBORUSA). Этот союз с тех пор разросся и включает в себя уже более 170 вузов из 25 стран; в задачи этой организации входят формирование единого образовательного пространства вокруг Нового Шелкового пути, укрепление сотрудничества и обменов в сфере высшего образования и содействие общественно-экономическому росту.

В 2016 году в столице Синьцзян-Уйгурского автономного района городе Урумчи была создана еще одна организация — Китайско-Центральноазиатский альянс университетов (CCAUC), куда вошел 51 вуз из семи стран, расположенных по ходу Нового Шелкового пути. Основатели этого альянса планируют проводить регулярные форумы, наращивать студенческую мобильность и содействовать признанию кредитов между вузами Китая и Центральной Азии. К тому же новый альянс должен содействовать расширению сети Институтов Конфуция в странах Центральной Азии.

Присоединиться ко всем этим альянсам нетрудно. Хотя они были основаны в рамках инициативы «Один пояс — один путь», членство не ограничено исключительно вузами стран, расположенных вдоль Нового Шелкового пути. Инициаторами или основоположниками всех трех альянсов, куда входят также университеты прибрежной зоны Китая, стали вузы, расположенные в исторически значимых городах, игравших важную роль во времена Великого шелкового пути. Великий шелковый путь брал свое начало в Сиане,

одним из крупнейших пунктов был Дуньхуан, а одна из наиболее известных дорог Шелкового пути шла с востока на запад через Синьцзянь по направлению к северо-восточной границе. Если раньше интернационализацией занимались преимущественно вузы восточного и юго-восточного Китая, то благодаря созданию трех перечисленных альянсов удалось привлечь внимание к международной деятельности Китая в этих не имеющих выхода к морю, но исторически очень важных северо-западных регионах страны.

Потенциал

Руководство двух из трех альянсов открыто говорит о намерении создать единую образовательную зону типа Европейского пространства высшего образования. Всем трем альянсам важно стать платформой для международного и межрегионального сотрудничества в сфере высшего образования с целью последующего налаживания более плотного общественно-экономического сотрудничества и содействия общественно-экономическому развитию.

Эти альянсы, в развитии которых участвуют и университеты, и власти, появились на пересечении низовых инициатив и спущенных сверху идей. Власти местного (муниципального или провинциального) уровня поддерживают эти альянсы финансово. Правительство провинции Ганьсу создало в рамках альянса OBORUSA стипендиальную программу «Шелковый путь» с ежегодным бюджетом 5 миллионов юаней (около 730 тысяч долларов США) для привлечения международных студентов. Эту сумму планируется повышать по мере усиления интереса со стороны студентов. А в уставе альянса UASR закреплено, что его член и главный инициатор — Сианьский университет Цзяотун — обязуется финансово поддерживать эту организацию. Хотя в Китае пока нет единого централизованного государственного фонда для поддержки подобных альянсов, они наверняка продолжают развиваться благодаря финансированию со стороны университетов и местных властей.

Хотя все три вышеописанные ассоциации нацелены на укрепление политического и общественного сотрудничества в регионе, их членская политика показывает, что на практике их деятельность не ограничивается пределами географического или культурного соседства. Наоборот, все три альянса характеризуются глобальным видением, их поле деятельности простирается далеко за пределы Китая и Азии, в сторону Европы и Балтии. Так что укрепление регионального сотрудничества в сфере высшего образования в рамках инициативы «Один пояс — один путь» можно также рассматривать в контексте развития глобального сотрудничества. Тем более что конечная цель этой инициативы — налаживание глобальных связей. Соединение разных регионов между собой для формирования глобальных партнерств вполне соответствует этой цели, поэтому описываемые альянсы можно рассматривать не только как региональные, но и как глобальные организации.

Руководство двух из трех альянсов открыто говорит о намерении создать единую образовательную зону типа Европейского пространства высшего образования.

Препятствия

Все эти альянсы пока еще находятся на начальной стадии своего развития, поэтому они пока не успели выработать или четко сформулировать единые стандарты. Единой согласованной политики в сфере высшего образования тоже нет. Так что говорить о гармонизации и конвергенции внутри альянсов тоже пока рано.

Как показал Болонский процесс, формирование единого пространства высшего образования — трудный процесс, требующий времени, даже в условиях относительной культурной и географической близости, а также высокой трудовой мобильности между странами-участницами. Альянсы, созданные в рамках инициативы «Один пояс — один путь», ставят перед собой амбициозную задачу — создать единое пространство высшего образования невзирая на многочисленные культурные и географические различия, а также на разнообразие языков и академических традиций и на несогласованность графиков учебного процесса. Хотя с каждым годом студентов, приезжающих в Китай и уезжающих из Китая на учебу, становится все больше, студенческие потоки между странами, охваченными инициативой «Один пояс — один путь», не такие интенсивные, и, соответственно, не стоит ожидать, что идея о гармонизации образовательных квалификаций получит дополнительный импульс, в отличие от того, как это происходило в ходе Болонского процесса. Преподавательская мобильность между странами региона тоже затруднена. Получить рабочую визу не всегда легко, а уж получить визу для супруга или супруги или найти школу для несовершеннолетних детей бывает не просто трудно, но еще и дорого. Наконец, ни один из существующих альянсов пока не предоставляет исследовательского финансирования, которое могло бы заложить основы для долгосрочной совместной научной работы.

Перспективы

Многие полагают, что создание этих трех альянсов указывает на усиление роли Китая в интернационализации высшего образования. Однако инициаторами этих альянсов стали не такие привычные к международному вниманию столичные вузы, как Пекинский

университет или Университет Цинхуа, а университеты Сианя и других провинций на западе страны, чья экономическая роль становится все более заметной. Соответственно, эти новые ассоциации не стоит рассматривать как всего лишь символ растущей роли Китая в качестве одного из лидеров интернационализации — они помогают вузам, в прошлом вытесненным на периферию, привлечь к себе внимание общественности как на национальном, так и на международном уровне. Наличие стабильных стипендиальных программ и создание фондов научного финансирования поможет укреплению новых университетских альянсов и стимулирует более активное академическое сотрудничество.

студентов частных вузов; большинство студентов в обеих странах учится именно в частных вузах, значительная доля которых носит коммерческий характер. Следующую строчку по общему числу студентов занимают Таиланд и Вьетнам, причем в этих странах роль частных вузов относительно невелика. Во Вьетнаме это связано с унаследованным еще с коммунистических времен представлением о том, что любое появление частного высшего образования — это уже «слишком много». Тем не менее, как ни странно, именно во Вьетнаме сложилась уникальная ситуация: там не просто есть частное высшее образование, но еще и практически исключительно коммерческое.

Введение в раздел

Дэниел Леви

Дэниел Леви — заслуженный профессор департамента образовательной политики и управления образованием Университета штата Нью-Йорк в Олбани (США) и руководитель PROPHE (Программы изучения частного высшего образования), материалы которой регулярно публикуются в «Международном высшем образовании». E-mail: dlevy@albany.edu.

Главный вопрос, возникающий в связи со стремительным развитием частного высшего образования по всему миру, — в какой момент его становится «слишком много»? Речь идет и о доле студентов, которая приходится на частные вузы, и о финансовой модели частных вузов. Главный критерий классификации частных вузов — коммерческий или некоммерческий характер они носят. Юго-Восточная Азия в целом и Филиппины и Вьетнам в частности показывают интересные примеры как значимых распространенных, так и интересных редких ответных реакций на поставленный вопрос.

Этот раздел посвящен тому, кто и как определяет политику в отношении частного высшего образования в разных странах. Особое внимание уделяется традиционному противостоянию между нормотворцами, неизменно обеспокоенными присутствием частных игроков на рынке высшего образования, и внушительными социально-экономическими и политическими силами, которые продвигают частное высшее образование, в том числе коммерческое. Моя обзорная статья основана на анализе и сравнении двух стран Юго-Восточной Азии. Если рассматривать этот регион, то Филиппины уступают только Индонезии по общему числу студентов и по числу

Когда частного высшего образования «слишком много»? Ценности и реалии Юго-Восточной Азии

Дэниел Леви

По оценкам, которые мы используем в Программе изучения частного высшего образования (PROPHE), Юго-Восточная Азия — третий азиатский субрегион по общему числу студентов; он уступает Южной Азии и Восточной Азии, но опережает Центральную/Западную Азию. Впрочем, Азия с большим отрывом занимает первое место в мире по масштабам высшего образования, и Юго-Восточная Азия с ее примерно 18 миллионами студентов (по данным на 2015 год) опережает по этому показателю все остальные регионы (за пределами Азии), за исключением разве что Европы. Благодаря высокой доле частного высшего образования в Азии в целом и в особенности в Юго-Восточной Азии этот субрегион (с его 8 миллионами студентов в частных вузах) опережает все остальные регионы (за пределами Азии), кроме Латинской Америки. И рассматриваемый субрегион, и весь Азиатский регион хорошо отражают последние мировые тенденции, в частности тенденцию уверенного прироста абсолютного числа студентов в частных вузах и одновременно с этим тенденцию к стабилизации общей доли частного сектора: в среднем по миру она составляет 30%, в Азии немного недотягивает до 40%, а в Юго-Восточной Азии достигает примерно 45%. Хотя международных данных о коммерческом частном высшем образовании нет, Юго-Восточная Азия и Азия наверняка являются лидерами в этом секторе на субрегиональном и региональном уровне соответственно.

Индонезия и Филиппины занимают в своем субрегионе ведущие позиции по абсолютному числу студентов, обучающихся в коммерческих частных вузах, а Вьетнам — мировой лидер по доле сектора коммерческого высшего образования. В общем, если говорить о частном высшем образовании в целом и о коммерческом в особенности, то Юго-Восточная Азия выходит на первый план.

Вариативность на субрегиональном уровне

Впрочем, для рассматриваемого субрегиона, куда входит 10 стран, характерна высокая вариативность, равно как для Азии в целом и для мира вообще. Филиппины, Камбоджа и Индонезия — страны с преимущественно частным высшим образованием, а в Малайзии доля частных вузов чуть-чуть недотягивает до половины. Эти четыре страны очень терпимы к частным вузам, их не беспокоит вопрос о том, не «слишком ли много» частного высшего образования. Эту терпимость нужно рассматривать в контексте того, что на Индонезию и Филиппины вместе взяты приходится более половины всех студентов Юго-Восточной Азии. Далее по размеру национальной системы высшего образования идут Вьетнам и Таиланд, но в этих странах, к которым недавно присоединился еще и Бруней, на частные вузы приходится немногим более 10% студентов, а Мьянма — одна из немногих стран в мире, для которых недопустимы любые попытки запустить частное высшее образование. Где-то посередине между двумя вышеописанными группами стран находятся Лаос и Сингапур: доля частного высшего образования в этих странах приближается к среднемировому значению. Малайзия — главный в своем субрегионе пример стремительного роста частного высшего образования в XXI веке, Вьетнам — пример стабильности, а на Филиппинах доля частных вузов, наоборот, сокращается.

Кто решает вопрос о допустимых масштабах частного высшего образования?

Вьетнам — воплощение наиболее радикального государственного подхода к высшему образованию как на субрегиональном, так и на мировом уровне, по крайней мере так было в период с 1954 по 1989 год, когда частное высшее образование было вообще запрещено. И если Северный Вьетнам выбрал такой подход сразу после обретения независимости от Франции, то в Южном Вьетнаме эта политика начала реализовываться лишь в 1975 году, когда Южный Вьетнам проиграл Северному и когда новое правительство национализировало все частные вузы. Таким образом, можно назвать национализацию 1975 года первым вьетнамским «разворотом» (пользуясь метафорой, предложенной Тяу, — см. его статью далее в этом разделе), проведенным по инициативе государства.

Государственные (или партийные) власти также сыграли главную роль в ходе второго разворота, разрешив создание «негосударственных» вузов и разработав для этого соответствующие нормативные рамки, в которых границы разворота были заданы запретом на открытие коммерческих вузов. На следующем этапе власти сделали еще один неожиданный разворот, которому и посвящена статья Тяу, неожиданно отвергнув законодательство, по которому разрешались только некоммерческие частные вузы, и приняв, ко всеобщему изумлению, новый закон, согласно которому в стране могут быть только коммерческие частные вузы, «разойдясь» тем самым со всеми остальными странами, которые допускают наличие коммерческих частных вузов в дополнение к некоммерческим. В ближайшее время властям Вьетнама придется снова принять решение о необходимости нового разворота — о том, стоит ли разрешить некоммерческим вузам сосуществовать с коммерческими и, может быть, даже дать разбросанным по стране небольшим религиозным общинам возможность создавать собственные вузы.

Если сравнивать Вьетнам с остальными странами Юго-Восточной Азии и с большинством мировых стран, то там именно государству принадлежала первоочередная роль в решении вопроса о допустимых масштабах частного высшего образования. Сначала власти этой страны решили, что никакие частные вузы недопустимы, потом — что коммерческие и религиозные вузы «слишком частные» даже для негосударственного сектора, а теперь они думают о том, стоит ли разрешать иные виды частного высшего образования, кроме как светское коммерческое, и если да, то в какой форме, а также о том, насколько государство может позволить частным вузам быть независимыми.

Филиппинская история коренным образом отличается от вьетнамской. Там решение о допустимых масштабах частного высшего образования принималось в результате взаимодействия влиятельных общественных сил, а полномочия и вес государства в сфере регулирования частного рыночного сегмента варьировались. Дело в том, что частное высшее образование появилось на Филиппинах очень давно — гораздо раньше, чем во Вьетнаме или в большинстве других стран Юго-Восточной Азии, а также Азиатского региона в целом. Дело в долгой и непростой колониальной истории страны. Филиппины имеют больше общего с Латинской Америкой, нежели с остальной Азией, поскольку колониальный период там начался еще в XVI веке с захвата страны испанцами и, соответственно, распространения католицизма. Как и в Латинской Америке, на Филиппинах появились смешанные государственно-частные учебные заведения, подчинявшиеся одновременно испанской короне и католической церкви. Однако, в отличие от Латинской Америки, Филиппины оставались испанской колонией почти на сто лет дольше, вплоть до Испано-американской

войны 1898 года, в результате которой страна перешла в руки американцев (и подчинялась им вплоть до 1946 года, причем в 1935 году Филиппины получили статус автономии в рамках США).

В связи со всем этим после обретения страной независимости большинство филиппинских университетов, основанных в колониальные времена, стали частными, в то время как в Латинской Америке почти все университеты стали государственными. Американский период в истории Филиппин послужил развитию в стране протестантских и светских частных вузов, в том числе коммерческих. В общем, длительное нахождение страны под испанским правлением ознаменовалось относительно ранним знакомством с негосударственным — в первую очередь с католическим — высшим образованием, а власти периода американской оккупации поощряли диверсификацию и маркетизацию сектора частного высшего образования, тем самым максимально расширив рамки допустимого в образовательной сфере. Соответственно, коммерческие и международные частные учебные заведения вполне допускались на практике. Если во Вьетнаме обретение страной независимости повлекло за собой закат частного высшего образования, то независимые Филиппины с радостью унаследовали масштабную и многообразную сеть частных вузов — динамичных, успевших глубоко укорениться в обществе и плохо поддающихся контролю со стороны государства вопреки желаниям власть имущих.

С другой стороны, каким бы разительным ни был контраст между Филиппинами и Вьетнамом с точки зрения того, кто — государство или общество и рынок — определяет границы допустимого в области частного высшего образования, обе страны хорошо отражают реалии современного мира, где границы устанавливаются в ходе взаимодействия противоборствующих сил. Даже на Филиппинах трения нормативного и политического характера обуславливают постоянные споры вокруг уже существующего законодательства и новых законопроектов. Филиппинские власти запретили коммерческие частные вузы в 1982 году, но бойкая динамика в негосударственном секторе привела к возрождению коммерческого частного высшего образования уже в 1994 году — в условиях усиленного регулирования. Но еще поразительнее тот факт, что даже во Вьетнаме частные вузы функционировали де-факто еще до того, как власти официально разрешили их существование; более того, коммерческое частное высшее образование де-факто появилось еще до того, как власти пришли к выводу, что вполне могут дать коммерческим вузам официальный юридический статус и, соответственно, обложить их налогами. К тому же во Вьетнаме, равно как и на Филиппинах и во многих других странах, многие политики и члены их семей являются (долевыми) собственниками частных вузов. Меркантилизм — один из главных факторов, определяющих выбор политического курса. Пусть раньше Вьетнам всегда сравнивали с еще одной

коммунистической страной — Китаем, который тоже сначала закрыл существовавшие ранее частные вузы, а потом, много лет спустя, начал понемногу открывать частные вузы (сначала с большими ограничениями, потом с меньшими), но сейчас вьетнамские власти дают рынку и обществу все больше свободы действий в некогда исключительно государственном секторе (в то время как Китай все еще сомневается в допустимости экспериментов с коммерческим образованием).

**К тому же во Вьетнаме,
равно как
и на Филиппинах
и во многих других
странах, многие политики
и члены их семей
являются (долевыми)
собственниками частных
вузов.**

Юго-Восточная Азия останется основным на азиатском и на мировом уровне плацдармом, где можно будет следить за количественным и качественным развитием частного высшего образования. Страны Юго-Восточной Азии, равно как и других регионов, будут по-разному отвечать на вопрос о том, когда частного высшего образования «слишком много», и по-разному выстраивать баланс сил, обладающих влиянием для поиска ответа на этот вопрос. Но в целом, несмотря на осмотрительность законотворцев и на достаточно строгие законы, экономические, социальные и политические процессы привели в Юго-Восточной Азии к тому, что на практике страны этого субрегиона довольно терпимы к частному высшему образованию.

Филиппины: два сектора частного высшего образования

Кэрол Марк К. Йи

*Кэрол Марк К. Йи — аспирант Кембриджского университета (Великобритания), старший исследователь Университета Филиппин, член PROPHE (Программы изучения частного высшего образования).
E-mail: kmry2@cam.ac.uk.*

Тот факт, что частное высшее образование давно занимает на Филиппинах видное положение, и то, что внутри него появляются различные субсекторы, обусловлено исторически. Поскольку в прошлом Филиппины были испанской колонией, то первые вузы там основали католические монашеские ордена: самым первым появился Университет Святого Фомы (1611 г.), затем Университет Атенео-де-Манила (1621 г.). В период американской оккупации появились первые государственные вузы, например Филиппинский педагогический университет (1901 г.) и Университет Филиппин (1908 г.), частные коммерческие вузы, например Национальный университет (1900 г.) и Университет «Сентро Эсколар» (1907 г.), некоммерческие вузы, такие как Университет Хосе Рисаля (1919 г.), и протестантские некоммерческие вузы, основанные миссионерами из США, наиболее известным из которых стал Университет Силлимена (1901 г.).

На фоне распространения частных вузов был принят закон о корпорациях (1906 г.) и закон о частных школах (1917 г.), которые задали правовые рамки для работы частных учебных заведений и управления ими. Иными словами, уже через несколько лет после ухода испанцев на Филиппинах были заложены основы структуры, которая существует примерно в том же виде и по сей день: большой и многообразный сектор частного высшего образования плюс растущий государственный сектор. В 1987 году право на создание частных учебных заведений было закреплено в конституции Филиппин.

В конституции, впрочем, подчеркивается, что «государственные и частные учебные заведения играют взаимодополняющие роли». Взаимодополняемость используется в качестве объединяющего нормативного принципа, предполагающего взаимную гармонию между государственным сектором и частным, каждый из которых должен выполнять ту роль, которая ему лучше подходит и которая отвечает «общественным интересам». В действительности, однако, часто идут споры о том, какие вузы и вправду отвечают общественным интересам, а какие «слишком частные», поскольку многие обеспокоены тем, что погоня

за прибылью идет в ущерб качеству образования. Сосуществование частного и государственного сектора характеризуется не только принципом взаимодополняемости, но также жесткой конкуренцией и противостоянием.

Нормативные и практические трудности

По мере расширения сектора частного высшего образования принимались различные меры регулирования образовательной политики, причем зачастую это происходило в ответ на новые нужды или — в некоторых случаях — из-за конфликта интересов. По закону, принятому в 1982 году, новые частные учебные заведения могли регистрироваться исключительно в форме неакционерных компаний. Впрочем, это правило оказалось недолговечным: законодательство 1994 года снова позволило частным вузам вести свою деятельность в форме акционерных обществ, но из-за осмотрительности законодателей, опасавшихся «слишком частного» высшего образования, — в условиях усиленного контроля со стороны регулирующих органов. Такие вузы могли реализовывать исключительно капиталоемкие образовательные программы и не имели права ни на какие государственные субсидии. Последующие годы ознаменовались дальнейшим расширением и диверсификацией коммерческого частного высшего образования (был создан Международный колледж ABE, колледж STI), выходом на рынок крупных местных корпораций (например, Ayala, PHINMA) и дискуссиями о том, являются ли де-юре некоммерческие вузы таковыми де-факто. Все это привело к разработке новых законов, регулирующих продажу, слияния и поглощения вузов. Кроме того, власти задумались о том, чтобы повысить налоги для коммерческих частных вузов и одновременно с этим сократить существующие государственные субсидии для некоммерческих вузов.

Нормативные ограничения, введённые на фоне последовательного расширения государственного сектора высшего образования, только ускорили снижение доли частных вузов: в 1990 году на них приходилось около 80% от общего числа студентов страны, в 2000 году — уже 70%, а в 2015 году — всего 56%, и это еще до 2017 года, когда государственное высшее образование стало бесплатным. Примечательно, что на размеры частного сектора высшего образования повлияла также реформа школьного образования: после того как длительность обучения в школе была увеличена с 10 до 12 лет, многие частные вузы неожиданно оказались невостребованными, и их существование было поставлено под угрозу. В 2018 году общее количество абитуриентов, поступивших в вузы, снизилось на 11% по сравнению с предыдущим годом, а в частном секторе наблюдалось 15-процентное падение.

Тем не менее Филиппины остаются оплотом сильного частного высшего образования с существенным

коммерческим компонентом, если сравнивать их с другими странами Юго-Восточной Азии и Азиатского региона в целом, в которых частные вузы преобладают над государственными. Некоммерческие вузы, которые пользуются особенно большой популярностью у традиционно религиозного католического населения, по-прежнему опережают коммерческие вузы по количеству учащихся: на них приходится 34% и 21% всех студентов страны соответственно. В 2015 году на Филиппинах насчитывалось в общей сложности 2388 вузов, включая 1262 некоммерческих (53%), 683 государственных (29%) и 443 коммерческих (19%). Интересно, что в некоммерческом секторе особенно много небольших вузов (на 2000 учащихся или меньше). И нет ничего удивительного в том, что подавляющее большинство коммерческих вузов расположено в наиболее густонаселенных регионах страны: в столичном регионе, а также в городах Себу и Давао.

**Филиппины остаются
оплотом сильного частного
высшего образования
с существенным
коммерческим
компонентом.**

Реалии и реформа

Хотя дискуссия о текущем соотношении частного и государственного высшего образования на Филиппинах и о том, каким оно должно быть (в контексте их взаимодополняемости и конкуренции между ними), наверняка продолжится, пока ясно, что эти секторы выполняют принципиально разные роли. Это становится понятно, если взглянуть на предлагаемые ими типы образовательных программ. Так, государственные вузы реализуют затратные программы, например в сфере сельского хозяйства или естественных наук, а частные вузы предлагают недорогие программы и программы коммерческой направленности: коммерческие вузы специализируются на гостинично-ресторанном бизнесе, туризме и подготовке среднего медицинского персонала, а некоммерческие — на гуманитарных и социальных науках, на изящных и прикладных искусствах.

Особую тревогу вызывает вопрос о том, может ли коммерческое образование вообще быть качественным. Первичные исследования показывают, что не все так просто. Данные экзаменов на получение профессиональных патентов за 2016 год показывают, что у выпускников небольших коммерческих вузов результаты невысокие (хотя и не очень плохие), а у выпускников крупных некоммерческих вузов — самые

высокие. Впрочем, результаты больше коррелируют с размером вуза, нежели с его юридическим статусом.

В аналитической части важного доклада комиссии конгресса по образованию (1991–1993 гг.), который лег в основу последующей реорганизации филиппинского высшего образования, придавшей ей текущую форму, особо подчеркивается, что незапланированный рост государственных вузов приводит к усилению конкуренции между ними и имеющими гораздо более долгую историю частными вузами и что вместо того, чтобы дополнять друг друга, государственные и частные вузы иногда копируют образовательные программы друг друга. Обе проблемы актуальны до сих пор. Хуже того, к существующим проблемам добавились новые, связанные с принятыми недавно важными законами. В 2017 году был принят закон о всеобщем доступе к качественному высшему образованию, гарантирующий студентам небывалый уровень финансовой помощи. А в 2019 году был принят закон о транснациональном высшем образовании, благодаря которому иностранные вузы получили право выхода на филиппинский рынок. В контексте нового законодательства дискуссия о принципе взаимодополняемости, по которому государственные и частные вузы должны сосуществовать, особенно актуальна. Хочется надеяться, что на фоне этих перемен люди станут лучше понимать все многообразие частного образовательного сектора, который включает в себя широкий спектр коммерческих и некоммерческих вузов. В любом случае ясно, что меняющиеся реалии и периодические колебания политического курса продолжают влиять на развитие коммерческого и некоммерческого высшего образования на Филиппинах, постоянно проверяя его на жизнестойкость.

.....

Вьетнам: уникальное монопольное положение частных вузов

Куан Тяу

Куан Тяу — аспирант отделения образовательной политики и управления образованием Университета штата Нью-Йорк в Олбани (США). E-mail: qchau@albany.edu.

Несмотря на то что Вьетнам — коммунистическое государство, то есть исторически плохо относится к частной собственности, там очень развит сектор частного высшего образования. Более того, этот очевидный парадокс особенно интересен потому, что вьетнамский сектор частного высшего образования является полностью коммерческим.

Развитие частного высшего образования в коммунистической стране

В начале коммунистического периода сложившуюся парадоксальную ситуацию даже нельзя было бы себе представить. Когда в 1954 году Северный Вьетнам (Демократическая Республика Вьетнам) обрел независимость, частное высшее образование было запрещено. А когда был свергнут южновьетнамский режим, то существовавший там сектор частного высшего образования с его 11 вузами и примерно 30 тысячами студентов (около одной пятой всех студентов Южного Вьетнама) подвергся национализации. Конечно, власти не могли предвидеть возрождение частного высшего образования, начавшееся в конце 1980-х годов, и быстро взяли этот сектор под свой контроль. Тем не менее, пока правительство было занято финансовыми реформами в государственном секторе, группа видных вьетнамских математиков предложила создать первый негосударственный центр высшего образования — Тханглонг. Со временем этот центр, признанный пилотным проектом и находившийся под пристальным контролем властей, получил государственную лицензию, но больше (до тех пор, пока правительство наконец не легализовало сектор частного высшего образования в целом) никто не смог получить подобную лицензию.

Более того, государство говорило о неприемлемости частного высшего образования в чистом виде. Под «частным» власти и общество Вьетнама (как и в большинстве других стран) понимали «бизнес». Соответственно, когда в начале 1990-х годов частное высшее образование наконец было легализовано, власти отвергли термин «частное» и вместо этого стали пользоваться политически корректным эвфемизмом «негосударственное». В негосударственный сектор вошли «народные» вузы и вузы «с собственностью смешанного типа» — по закону всем им было запрещено самостоятельно распределять доходы, поэтому они вписывались в широко используемое в мировой литературе определение некоммерческих вузов. Впрочем, нормативного определения некоммерческого частного высшего образования ни в каких документах не было.

Разворот в сторону коммерческого образования

Однако порядки, которые начали складываться в негосударственном секторе, бросили серьезный вызов традиционным принципам централизованного планирования, которые диктовались ханойскими чиновниками. Государству не удалось добиться запланированных результатов. Поскольку правовые нормы относительно распределения доходов не были четко прописаны и интерпретировались государственными органами по-разному, многие народные университеты стали распределять доходы между совладельцами.

...порядки, которые начали складываться в негосударственном секторе, бросили серьезный вызов традиционным принципам централизованного планирования, которые диктовались ханойскими чиновниками.

Постепенно начинался малопонятный, но уникальный разворот, который явно не вписывался ни в какие коммунистические схемы.

К середине 2000-х годов практика распределения доходов между совладельцами негосударственных университетов наконец получила признание, термин «частное высшее образование» стал политически приемлемым и был включен в нормативные документы. Это происходило в рамках маркетизации вьетнамской экономики в целом. Впрочем, в силу по-прежнему не до конца ясных причин (и вопреки критике со стороны многих экспертов и консультантов) власти пошли еще дальше и обязали все народные университеты официально регистрироваться в качестве частных коммерческих вузов. Таким образом, произошел разворот, в результате которого в соответствии с новым законодательством все частное высшее образование во Вьетнаме стало коммерческим. Ряд университетов попытался сохранить свой народный формат, некоторые новые вузы добровольно приняли принцип нераспределения доходов, но все они тем не менее столкнулись с юридическими ограничениями. Власти настояли на том, чтобы частное высшее образование целиком и полностью стало коммерческим. И со временем все негосударственные вузы Вьетнама стали коммерческими не только на бумаге, но и на практике.

Только коммерческое образование: как это?

В настоящий момент на сектор частного высшего образования (67 университетов и более 267 тысяч студентов) приходится порядка 15% студентов Вьетнама и около трети всех вузов. В целом подавляющее большинство студентов частных вузов обучается либо предпринимательству, либо информационным технологиям, либо языкам, и лишь немногие частные вузы предлагают образование по другим направлениям. Подобное распределение характерно для коммерческого частного высшего образования по всему миру.

Многие частные университеты теперь находятся в собственности коммерческих корпораций. Некоторые из них, например Phenikaa, превращают принадлежащие им вузы в своего рода корпоративные центры подготовки кадров и в собственные научно-исследовательские центры. Другие корпорации, такие как Nguyen Hoang, рассматривают образование как ключевую сферу своей деятельности и активно скупают частные вузы.

Возвращение некоммерческих вузов?

Четкое разделение между коммерческим и некоммерческим частным высшим образованием во Вьетнаме было впервые обозначено только в законе о высшем образовании от 2012 года. Хотя о концепции некоммерческого частного высшего образования много говорилось в период укрепления коммерческого сектора, законодателям потребовалось несколько лет, чтобы понять и принять эту концепцию. Текущий закон о высшем образовании (от 2018 года) определяет некоммерческие вузы как вузы, не распределяющие прибыль между акционерами.

Тем не менее практически все частное высшее образование во Вьетнаме по-прежнему остается коммерческим. Пока ни одному коммерческому университету не удалось успешно преобразоваться и стать некоммерческим, хотя многие пытались. Сейчас в стране существует всего два некоммерческих частных университета, и оба они новые: один создан гигантским частным конгломератом Vingroup, а другой — Вьетнамский университет Фулбрайта — открылся благодаря огромной политической и финансовой поддержке со стороны американского правительства.

Вопрос о том, могут ли некоммерческие частные вузы занять заметное место во вьетнамской образовательной системе, вызывает жаркие споры и зачастую колебания в среде исследователей и отставных политиков. Власти пока не легализовали частные вузы, направленные на формирование определенной «идентичности» студентов, — вузы, которые носят некоммерческий характер и принадлежат чаще всего религиозным общинам. При этом частные вузы, аффилированные с крупными корпорациями, такими как Tan Tao, Vin или FLC, стремятся выставить себя в качестве некоммерческих. Некоторые критики утверждают, что экономические стимулы, направленные на поддержку «подлинных» некоммерческих вузов, например налоговые льготы и послабления, по-прежнему слишком непрозрачны и из-за этого становятся предметом махинаций со стороны богатых корпораций, стремящихся к прибыли в ущерб качеству образования. К тому же многие эксперты сомневаются в том, что некоммерческим вузам удастся привлечь достаточно пожертвований, поскольку в текущих условиях стимулов для потенциальных доноров и филантропов мало. Действующий закон о высшем образовании, как и его предшественник от 2012 года, описывает некоммерческие вузы как организации, создаваемые инвесторами,

готовыми отказаться от своих дивидендов. Однако инвесторам разрешено занимать ключевые посты в правлении. Соответственно, у них есть возможность найти варианты обогащения, и при этом их присутствие может отпугнуть филантропов, опасющихся финансовых злоупотреблений пожертвованиями.

Хотя само появление частных вузов в коммунистическом Вьетнаме и последующий разворот в сторону полностью коммерческого частного высшего образования во многом стали неожиданностью и сопровождались непредсказуемыми колебаниями между государственным контролем и рынком, ближайшее будущее этого сектора представляется более предсказуемым. Скорее всего, частное высшее образование останется и конкурентоспособным, и преимущественно коммерческим, если только государство не узаконит участие гражданских объединений (особенно религиозных) в высшем образовании.

Многообразие европейских систем высшего образования

**Бенедетто Лепори
и Даниэль Вагнер-Шустер**

*Бенедетто Лепори — профессор Университета Лугано (Швейцария), координатор финансируемого Европейской комиссией исследовательского проекта «Европейский реестр высшего образования» (ETER).
E-mail: blepori@usi.ch.*

*Даниэль Вагнер-Шустер — сотрудник исследовательского института JOANNEUM RESEARCH (Австрия), участвующего в реализации вышеупомянутого проекта.
E-mail: Daniel.Wagner-Schuster@joanneum.at.*

Аналитический доклад исследователей ETER о бинарных и унитарных моделях высшего образования можно скачать по ссылке <https://www.eter-project.com/#/analytical-reports>.

Что общего между Кембриджским университетом, Высшей академией полиции в Германии и Академией изящных искусств в Гданьске? На первый взгляд эти учебные заведения коренным образом отличаются как своей миссией, так и типом образования и предметными направлениями. Однако, несмотря на многочисленные различия, у них есть и кое-что общее:

все эти учебные заведения выдают дипломы об образовании и в целом считаются частью единой системы, в быту именуемой «системой высшего образования». Учебные заведения, выдающие дипломы о высшем или иногда даже о среднем специальном образовании, прилагают все усилия, чтобы получить статус «высших учебных заведений», исходя из того, что это престижно и помогает привлекать абитуриентов и спонсоров.

Становится понятно, что на некоторые вопросы трудно найти ответ. Например: что такое высшее образование? какого рода учебные заведения к нему относятся? можно ли поделить учебные заведения на типы и будет ли это разделение едино для разных стран?

Если рассматривать эти вопросы в европейском контексте, то в последние десятилетия ответить на них стало еще сложнее из-за расширения и дифференциации системы высшего образования: если раньше она состояла преимущественно из университетов (занимающихся исследованиями и выдающих степень PhD), то к настоящему времени она стала гораздо более многообразной. В некоторых странах появились новые «региональные университеты», а профессионально-технические учебные заведения, раньше относившиеся к сектору высшего специального или даже среднего специального образования, все в большей степени интегрируются в систему высшего образования. Маркетизация образования открыла новые возможности для частных вузов. Особенно это заметно в странах, ставших членами Европейского союза относительно недавно. В результате всей этой внушительной динамики сейчас половина всех европейских вузов, зарегистрированных в Европейском реестре высшего образования, приходится на учебные заведения, основанные после 1990 года.

Разные государства по-разному отнеслись к процессу дифференциации образования. Одни страны, такие как Германия и Нидерланды, занялись широко-масштабными реформами, реструктурировали высшее профессиональное образование, выделив «колледжи» и «университеты прикладных наук» в отдельный сектор и тем самым сформировав бинарную, или двухсекторную, систему. Некоторые страны, например Соединенное Королевство, решили расширить понятие «университет» и включить в него высшее профессиональное образование. А третьи оставили реструктуризацию системы на откуп рыночным силам.

Изучение структуры национальных систем высшего образования — это не просто научная задача, но задача, связанная с решением ключевых вопросов образовательной политики на национальном и европейском уровне. Большинство аналитиков сходятся во мнении, что определенная степень дифференциации образовательной системы полезна с точки зрения решения таких многообразных задач, как повышение качества исследований, расширение доступности высшего образования, подготовка профессиональных

кадров и региональное развитие. Однако пока не ясно, какой путь к дифференциации лучше: через прямое вмешательство государства (создание новых типов вузов на нормативном уровне) или через свободную рыночную конкуренцию.

Эмпирические данные

Основная проблема всех, кто занимается данной тематикой, — отсутствие сопоставимых данных. Существует множество исследований, предлагающих различные типологии вузов и/или структуры образовательных систем; большинство таких исследований основано на экспертном анализе ситуации в разных странах. Но типологические ярлыки вроде унитарной/бинарной системы не позволяют исчерпывающим образом описать все особенности национальных систем, которые в большинстве своем гораздо сложнее и содержат больше одного-двух типов вузов, не говоря уже о таких системах, как французская, которая вообще не вписывается в предлагаемую классификацию.

Опубликованное недавно в рамках проекта «Европейский реестр высшего образования» (ETER) исследование содержит данные, позволяющие по-новому взглянуть на описываемую проблематику. Проект ETER финансируется Европейской комиссией и представляет собой первый относительно полный список европейских вузов, содержащий также описательную и географическую информацию и данные о ресурсах и об образовательной и научной деятельности согласно имеющейся национальной статистике (пока за период с 2011 по 2016 год). Несмотря на определенные ограничения в плане доступности и сопоставимости данных, особенно финансовых, проект ETER — это небывалый шаг вперед в сфере сбора сопоставимых данных о европейских вузах.

Основываясь на этих данных, авторы исследования провели сравнительный анализ структуры национальных систем высшего образования в Европе. Они опирались на классификацию вузов, согласно которой те делятся на три группы: университеты (имеют право присуждать степень PhD), университеты прикладных наук и иные вузы (например, музыкальные, художественные). Исследователи также учитывали относительный вес этих групп с точки зрения количества и состава студентов (по уровню и направлению образования).

Опубликованный доклад показывает ряд системных паттернов — например, тот факт, что в Северной и Западной Европе роль университетов прикладных наук больше, чем в Южной и Восточной Европе. Впрочем, хотя в целом по-прежнему можно говорить о делении систем высшего образования на унитарные и бинарные, их распределение в Европе и степень дифференциации чрезвычайно неоднородны. В Болгарии, к примеру, на университеты приходится 97% студентов. А в Нидерландах наибольшая доля высшего образования (в основном профессионального) приходится на

университеты прикладных наук (там обучается 61% студентов страны). В продолжение разговора о распределении студентов: в Латвии доля тех, кто учится в вузах иного типа (в академиях или частных специализированных вузах) больше (34%), чем доля тех, кто учится в классических университетах или в университетах прикладных наук. Авторы доклада также выявили системные различия в сфере предметного профиля: университеты прикладных наук и вузы иных типов обычно носят более узкоспециализированный характер, чем классические университеты. Если говорить о науке, то исследованиями занимаются в первую очередь именно классические университеты (89% всех университетов, учтенных в рамках проекта ETER); вузы других типов в меньшей степени вовлечены в науку (72% университетов прикладных наук и 33% остальных вузов).

...авторы исследования провели сравнительный анализ структуры национальных систем высшего образования в Европе.

Вузы разных типов также очень различаются в плане исторической динамики, что можно заметить, взглянув на год их основания. Многие классические университеты были созданы в 1950–1960-х годах, некоторые даже восходят к Средневековью, а вот большинство университетов прикладных наук и остальных вузов было создано после 1970 года, что ознаменовало вторую волну расширения системы высшего образования.

В перспективе описываемый реестр можно будет усовершенствовать путем разработки более точной классификации, которая будет учитывать три дополнительных измерения: нормативно-правовые особенности (официальный статус и наличие права присуждать степень PhD), институциональная миссия и саморепрезентация вуза и, наконец, объективно наблюдаемый профиль деятельности (сочетание образовательной, исследовательской и иной работы). Это позволит гораздо точнее судить о многообразии национальных систем высшего образования в Европе.

Ирландское высшее образование: взгляд изнутри

Эллен Хейзелкорн и Том Боланд

Эллен Хейзелкорн и Том Боланд — управляющие партнеры компании BH Associates (Ирландия), www.bhassociates.eu. E-mail: info@bhassociates.eu.

В июле 2019 года правительство Ирландии опубликовало проект реформы высшего образования, разработанной в ответ на растущую обеспокоенность проблемой якобы неэффективного управления и злоупотреблений. Предложенные правительством нововведения усиливают влияние политической системы, привыкшей держать все под контролем, и тем самым ставят под угрозу принцип автономного решения внутренних, внутривузовских вопросов.

Система управления высшим образованием в разных странах устроена по-разному. Где-то за высшее образование напрямую отвечают профильные министерства, в других странах для этого существуют специальные посреднические/буферные организации. В Ирландии, как и в Гонконге, Израиле, Новой Зеландии и Шотландии, существует Управление по делам высшего образования, которое выполняет надзорные функции, занимается финансированием, разрабатывает методические рекомендации и следит за их исполнением. Согласно новому законопроекту предлагается переименовать это управление в Комиссию по делам высшего образования и наделить ее дополнительными регуляторными полномочиями, которые бы касались всех вузов в стране.

Эти изменения были предложены на фоне увеличения числа студентов, повышения международной конкуренции и усиления финансовых ограничений, из-за которых система высшего образования оказалась в довольно стрессовом положении. Подобное стечение обстоятельств обусловило подходящий момент для изучения того, как высшее образование позиционирует себя и как оно воспринимается другими в контексте таких вопросов, как национальная политика; качество образования и то, в какой степени образование обеспечивает студентов востребованными навыками; международное образование; управление и прозрачность; наука.

В ноябре 2019 года вышел доклад Higher Education Report 2019, подготовленный по результатам опроса высшего руководства ирландского высшего образования и других влиятельных игроков. Из положительного: респонденты убеждены в высоком качестве ирландской системы высшего образования и в том, что она отвечает потребностям национальной экономики. Мощную поддержку у опрошенных находят стратегические

задачи высшего образования, включая активное выявление наиболее востребованных навыков, межузоровое сотрудничество и переквалификацию политехнических институтов в технические университеты по результатам строгой аттестации. Большинство респондентов также выступает за усиление роли частных вузов, за согласованность между средним специальным и высшим образованием, а также за более гармоничный баланс между исследовательской и обучающей функциями вузов.

**Из положительного:
респонденты убеждены
в высоком качестве
ирландской системы
высшего образования
и в том, что она
отвечает потребностям
национальной экономики.**

**Неуверенность в себе и недоверие
к вышестоящим коллегам?**

Но по вопросам, связанным с прозрачностью, регулированием и управлением, респонденты высказывались негативно. Источником раскола в дискуссии об ирландском высшем образовании служит вопрос о степени свободы вузов в управлении своими внутренними делами в противовес стандартам отчетности. Все сходятся в том, что последние необходимы, но на практике эта сфера очень жестко зарегулирована. Хотя ирландское законодательство гарантирует институциональную автономию вузов, 52% респондентов не ощущают ее на собственном опыте. Тех, кто оценивает нынешнюю регуляторную систему, осуществляемую департаментом образования и квалификации и Управлением по делам высшего образования, как приемлемую, в два раза меньше, чем тех, кто считает наоборот. 87% респондентов полагают, что налагаемые госсектором ограничения (касающиеся, например, условий оплаты труда, регулирования численности сотрудников и т.п.) негативно сказываются на работе вузов.

При этом респонденты убеждены, что нынешняя система управления вузами, равно как и система внутривузовского управления, не соответствует задачам, стоящим перед высшим образованием. Всего 30% респондентов согласились с утверждением, что управляющие советы вузов понимают собственную роль и что вузы четко распределяют обязанности по принятию решений между управленцами разного уровня.

Примерно столько же опрошенных считают, что вузы успешно внедряют и реализуют такие управленческие процессы, как стратегическое планирование и анализ, оценка рисков и управление эффективностью. Немногим более 20% опрошенных верят, что руководители вузов обладают соответствующей стандартам квалификацией, необходимой для решения проблем и задач, которые сейчас встают перед высшим образованием.

Внутренние коммуникационные процессы оцениваются ненамного лучше. Респондентов, полагающих, что сотрудников вузов плохо и несвоевременно информируют о важных решениях и изменениях, в два раза больше, чем тех, кто думает иначе. Большинство опрошенных также отрицательно отзываясь о мерах по учету интересов семей сотрудников, о политике обеспечения гендерного равенства на уровне высшего руководства, о компетентности процессов кадрового управления и об управлении вузами в целом.

Если полученные результаты действительно отражают взгляды образовательного сообщества и других связанных с ним влиятельных игроков, то они говорят о низком доверии к нынешней системе управления и контроля, что не может не вызывать беспокойство.

**Баланс между подконтрольностью
и автономностью**

Проведенный опрос позволяет сделать два ключевых вывода, актуальных не только для Ирландии, но и для других стран. Во-первых, способность высшего образования грамотно, эффективно и успешно реагировать на массовизацию, глобализацию и технологические изменения зависит от качества системы управления и от качества вузовского руководства. Дело в том, что перемены не происходят просто так, сами по себе, — кто-то должен ими руководить. Но, как писала Робин Мидлхёрст, ректоры университетов и другие представители высшего руководства нередко получают свои посты, просто постепенно продвигаясь вверх по служебной лестнице, и полагают, что со временем из «начинающих руководителей» они превращаются в «эффективных профессионалов», хотя изначально у них вряд ли были необходимые профессиональные навыки и они вряд ли проходили соответствующую профессиональную подготовку. Многие университеты сталкиваются с кризисом передачи власти. 57% респондентов убеждены, что реформа академических и административных структур совершенно необходима для того, чтобы ирландская система высшего образования смогла добиться лидирующих мировых позиций, и лишь 14% не считают реформы необходимыми.

Второй вывод заключается в том, что водоразделом во многих системах высшего образования является баланс между институциональной свободой в сфере решения внутренних вопросов (то есть автономностью) и степенью государственного регулирования вузов (то есть подконтрольностью). От вузов все чаще требуют показывать высокие результаты обучения и дей-

ствовать в соответствии с принципом, по которому высшее образование воспринимается как «общественное благо», поэтому напряжение усиливается. Рейтинг The European University Scorecard 2017 (сейчас вышел уже третий выпуск) оценивает четыре измерения автономности: организационное, финансовое, кадровое и академическое. В Ирландии картина неоднозначная: вузы обладают довольно высокой степенью автономности по всем измерениям, кроме кадрового, поскольку в стране по-прежнему действует мораторий на наем, введенный в 2008 году на фоне финансового кризиса.

Проведенный опрос выявил потребность в реформе, которая одновременно укрепила бы автономность вузов и повысила качество и эффективность системы управления вузами и управленческих структур. Еще только предстоит увидеть, к какому именно равновесию придет система, но правящим верхам следовало бы предварительно изучить вопрос о том, как улучшить стандарты управления в вузах, вместо того чтобы по привычке пытаться закрутить гайки.

Высшее образование в Турции: размер имеет значение

Огуз Эсен

*Огуз Эсен — профессор экономики и бывший ректор Измирского экономического университета (Турция).
E-mail: oguz.esen@ieu.edu.tr.*

В 2018 году в Турции было создано 15 новых государственных университетов. На первый взгляд может показаться, что это просто очередная волна расширения системы высшего образования, которое идет с 1980-х годов. Но есть три фактора, которые делают события 2018 года интересными для анализа. Первый — это способ создания этих новых вузов: 14 из 15 появились путем разукрупнения существовавших ранее университетов. Во-вторых, эти события происходили на фоне наблюдающейся во многих странах с высокими, низкими и средними доходами тенденции к реорганизации и реструктуризации высшего образования путем слияний и консолидаций в рамках перехода от массового высшего образования к общедоступному, то есть Турция пошла в противоположном направлении. Крупномасштабная реструктуризация турецкого высшего образования затронула треть студентов-очников страны. Наконец, насколько мне известно, операция подобного масштаба не проводится сейчас ни в одной другой стране мира.

Турецкая система высшего образования занимает шестое место в мире по размеру: в 2019 году в стране насчитывалось 7,8 миллиона студентов.

Турецкая система высшего образования занимает шестое место в мире по размеру: в 2019 году в стране насчитывалось 7,8 миллиона студентов, 129 государственных и 73 некоммерческих частных университета. Примерно 15% студентов-очников учатся в небольших частных университетах. Некоторым престижным частным вузам удалось выйти на один уровень с известными государственными, но большинство частных вузов просто обслуживает потребность в массовом высшем образовании. Турецкий опыт стремительного расширения системы высшего образования в отсутствие какого-либо системного видения может оказаться полезен для других стран, сталкивающихся с аналогичными трудностями.

Стремительное расширение

Турецкую систему высшего образования периода 1980-х годов можно охарактеризовать как элитистскую: вузов было очень мало, высшее образование получало менее 10% молодежи. В 1992 году этот показатель перевалил за 15%, а в 2010 году достиг 50%. Подобный рост стал возможен в большой степени за счет дистанционного образования. Доля студентов, обучающихся таким образом, стабильно росла: она увеличилась с 11% в середине 1980-х годов до 51% в 2019 году, то есть в среднем это около 40% на протяжении последнего десятилетия. Впрочем, расширение системы оказалось очень существенным даже без учета дистанционного образования.

Турецкая система подверглась радикальной реорганизации как раз накануне перехода от элитистского высшего образования к массовому. Большую роль в подготовке этого перехода сыграло два фактора. Во-первых, в 1981 году — довольно рано в сравнении со многими другими странами — в Турции был создан Совет по делам высшего образования — автономный надзорный орган, контролирующий все вузы страны. Во-вторых, после отказа от двухуровневой системы, при которой университеты были отделены от академий, педагогических колледжей и консерваторий, некоторые из этих вузов объединились и стали университетами, в то время как многие другие стали факультетами (подразделениями) региональных университетов. Всего в тот период было создано восемь новых университетов. Все это привело к увеличению числа многопрофильных университетов — вполне

в духе господствовавшей в мире тенденции к сдвигу в сторону массового высшего образования.

До 1980-х годов в Турции было всего несколько университетов, все они были расположены в крупных городах и обладали региональными филиалами, которые были организованы в форме факультетов и училищ в соответствии с политическими потребностями на местах. В 1992 году в стране открылось 23 новых государственных университета, и, как уже упоминалось, доля молодежи, получавшей высшее образование, возросла. Во время этой второй волны роста была принята иная стратегия: правительство решило реорганизовать факультеты и училища, ранее аффилированные с различными университетами, и создать на их базе новые независимые вузы.

От массового к общедоступному

Еще в начале 2000-х вопрос доступности высшего образования по-прежнему стоял очень остро. Когда в 2002 году к власти пришла Партия справедливости и развития, она объявила одной из своих задач создание по крайней мере одного государственного университета в каждой провинции страны. На тот момент в 81 провинции насчитывалось всего 53 государственных университета. В 2006–2008 годах, в ходе третьей волны расширения, власти создали еще 39 новых государственных университетов, таким образом доведя их общее количество до 94. Новые университеты располагались в относительно небольших и менее развитых городах. Появились новые трудности на фоне всеобщей нехватки преподавателей, было трудно набирать высокопрофессиональных преподавателей в слаборазвитые регионы. Эта третья волна способствовала 17-процентному повышению совокупного числа студентов в стране.

Болонский процесс совпал по времени с тем периодом, когда Турция стала двигаться в сторону общедоступного высшего образования. Сейчас программы всех государственных и частных вузов Турции выстроены в соответствии с целями Болонского процесса. Болонский процесс помог решить некоторые проблемы, связанные с качеством образования и вызванные стремительным расширением системы. Параллельно с этим, несмотря на потребность общества в общедоступном высшем образовании, в стране также было создано 20 новых небольших узкоспециализированных государственных вузов в сфере искусств, музыки, наук о здравоохранении, исламоведения, социальных наук, а также технических и прикладных наук. Эти вузы обеспечили всего лишь 3-процентный прирост в количестве студентов.

Прощай, стремительное расширение! Привет, консолидация!

В 2018 году, когда в результате разукрупнения существовавших ранее вузов было создано 14 новых университетов, началась новая эпоха. Число вузов увеличилось, но размеры сектора в целом практически

не изменились. Что стояло за этим решением? Какие проблемы оно призвано было преодолеть?

Первой на ум приходит проблема эффективного управления, ведь новые университеты меньше и более легко управляемы. Впрочем, вряд ли эта проблема актуальна для турецких вузов, поскольку в них учится в среднем всего по 19 тысяч студентов (это относится в том числе к частным университетам). Количество студентов-очников в стране возросло за последние три десятилетия в 9 раз, а средний размер университетов увеличился всего в 1,4 раза.

Исследования на тему слияний в высшем образовании показывают, что увеличение вузов способствует экономии за счет масштаба, оптимизации расходов, повышению качества науки, расширению кадрового резерва и улучшению репутации на национальном и международном уровне. Соответственно, непонятно, как разукрупнение турецких вузов поможет повысить эффективность или качество системы, улучшить ее репутацию и конкурентоспособность.

Есть данные, указывающие на замедление прироста числа студентов в последние пять лет. Это замедление может оказаться долговременным из-за замедления темпов роста населения. В подобном случае турецкую систему высшего образования ждет затяжной период консолидации.

В настоящий момент турецкое высшее образование оказалось на перепутье. Движение в сторону общедоступного высшего образования требует более комплексного подхода с целью усиления и повышения конкурентоспособности университетов путем консолидации. В то же время необходимо реформировать программу образования за счет включения в нее общеобразовательной подготовки и повышения качества среднего образования ради укрепления связей между школой и вузом.

.....

Эволюция роли почетного ректора в Кении

Ишмаэль И. Мунене

*Ишмаэль И. Мунене — профессор
департамента лидерства в образовании,
Университет Северной Аризоны (США).
E-mail: Ishmael.Munene@nau.edu.*

Если изучить историю роли почетного ректора в Кении, то станет ясно, что правительство страны стратегически пользуется существованием этой позиции,

чтобы подорвать автономию государственных университетов и саботировать сложившуюся в них систему децентрализованного управления. Хотя правительство и без того обладает властью над университетами, поскольку назначает их руководство и распоряжается финансированием, назначение почетных ректоров — еще один изолированный способ контроля государства за деятельностью университетов. Тип назначенного властями почетного ректора говорит о том, в каком, по мнению правительства, направлении университеты должны развиваться, что сводит на нет их автономию и подрывает внутреннюю децентрализованную систему принятия решений. И хотя данная проблематика разворачивается в Кении, она заслуживает международного внимания, потому что проблема баланса между университетской автономией и политикой актуальна во всех странах.

По британской традиции почетный ректор — номинальный глава университета. Носителем этого титула обычно становится какой-то выдающийся деятель, предприниматель или политик. Исполнительным руководителем университета, отвечающим за академическую и административную деятельность, является ректор. Поскольку Кения — бывшая британская колония, а первым вузом в стране стал филиал Лондонского университета, то Кения следует британским традициям в вопросах управления университетами. Должность почетного ректора в государственных университетах занимает либо сам президент Кении, либо его назначенцы. Почетный ректор председательствует на церемонии выдачи дипломов, иногда дает ученому совету рекомендации по улучшению работы университета, а также выступает в роли советника министра образования, если тот планирует посетить вуз.

Хотя в теории почетный ректор — всего лишь церемониальная должность, на практике почетные ректоры кенийских вузов могут направлять их развитие в то или иное русло, и, более того, от них ожидается, что они будут этим заниматься. Так было во все три периода, которые можно выделить в истории развития роли почетного ректора в Кении, а именно в «политическую эпоху», «академическую» и «корпоративную».

«Политическая эпоха»

«Политическая эпоха» в назначении почетных ректоров длилась с 1963 года, когда Кения обрела независимость, до 2002 года. В тот период почетным ректором всех восьми государственных вузов являлся глава государства (президент). Все это время у власти находилась одна и та же политическая партия, созданная на волне национально-освободительного движения, причем до 1992 года в Кении вообще была однопартийная политическая система. Это было авторитарное государство, в котором законодательная и судебная ветви власти подчинялись исполнительной. Профсоюзы и женские объединения также были поглощены государственным политическим аппаратом. Главным рассадником политического инакомыслия являлось

академическое сообщество, а профессоров и студентов, критически высказывавшихся о государстве, нередко ждала тюрьма, высылка или (временное) отстранение.

Почетный ректор — он же по совместительству глава государства — назначал членов ученого совета, а также ректора и его заместителей, а главным критерием отбора была политическая благонадежность. Ректоры руководствовались в своей работе определенными политическими принципами, включавшими увольнение политически активных сотрудников и отчисление оппозиционно настроенных студентов. Главной задачей почетного ректора «политической эпохи» было осуществление политического контроля над университетами. Как отмечал один исследователь, «развитие вузов [шло] в соответствии с указаниями соответствующих отделов Министерства образования или Министерства финансов и экономического развития, а также почетного ректора государственных университетов».

«Академическая эпоха»

В 2003 году оппозиция одержала победу над правившей ранее партией. Страна стала более демократичной, появилась независимая судебная власть и активные законодательные органы. Новый президент отказался от должности почетного ректора всех государственных университетов и вместо этого, руководствуясь законом о государственных университетах, назначил на эти посты видных граждан своей страны. В 2003–2012 годах почетными ректорами становились бывшие ректоры и проректоры. Данные назначения происходили в непростых для университетов условиях: вызванные административно-организационными проблемами забастовки студентов и преподавателей мешали учебному процессу; вузы испытывали нехватку финансовых и других ресурсов, некоторые не были способны самостоятельно генерировать доходы; качество образования везде снижалось. При этом внешние доноры, такие как Всемирный банк или Международный валютный фонд и благотворительные организации типа Фонда Форда или Фонда Рокфеллера, настаивали на проведении структурных реформ с целью улучшения системы управления и повышения ее эффективности и прозрачности.

Предполагалось, что ректоры будут руководить процессом трансформации университетов в условиях неолиберализма и превратят их в процветающие учебные заведения. Но этого не произошло, и тому есть две причины. Во-первых, властная элита продолжала воспринимать государственные университеты в качестве инструмента укрепления своей политической легитимности. Этот период ознаменовался массовым расширением государственных университетов: 23 из нынешних 33 государственных университетов (около 70%) было создано в 2012–2013 учебном году. Представители крупнейших этнических групп требовали, чтобы в каждом регионе было по государственному

университету. Из-за опасений политического оппортунизма финансовые ограничения и необходимость стабилизировать систему с целью повышения качества оказались забыты. Во-вторых, у новых почетных ректоров просто не было опыта управления университетами в условиях неолиберализма, когда упор делается на приватизацию и коммерциализацию образовательных программ и других предоставляемых вузами услуг. В общем, почетные ректоры «академической эпохи» оказались неспособны эффективно управлять происходившими в вузах трансформациями.

«Корпоративная эпоха»

Начиная с 2013 года государственные вузы постоянно оказывались в центре беспрецедентных финансовых, управленческих и внедренческих кризисов. Этот период ознаменовался привлечением новых почетных ректоров из корпоративного мира. Многие университеты по-прежнему не умеют самостоятельно генерировать доход, чтобы восполнить сокращение государственных субсидий. Многие вузы просто обанкротились и не способны погасить самые базовые финансовые обязательства, например выплатить зарплату и пенсионные отчисления. К концу 2019 года совокупный долг государственных вузов в Кении достиг 110 миллионов долларов США. Коррупция и многочисленные финансовые злоупотребления только еще больше подорвали финансовую жизнеспособность вузов.

Как никогда остро стоят проблемы управленческого характера. Участились забастовки студентов и преподавателей, во время которых университеты вынужденно закрываются. К тому же они слишком поглощены разного рода бюрократической волокитой, из-за которой они просто не успевают вовремя реагировать на кризисные ситуации, — это пережиток управленческой культуры прошлого, в основе которой лежал государственный контроль над вузами. Еще одно слабое место — безыновационность, что видно, например, по отсутствию в образовательных программах междисциплинарных курсов и духа предприимчивости и по отсутствию стратегического мышления, которое было бы направлено на развитие новых идей, стимулирование творческого начала, выстраивание партнерских связей и продвижение идей инклюзивности и социокультурного многообразия. Для борьбы со всеми этими проблемами с 2013 года в качестве почетных ректоров начали назначать успешных банкиров, бизнесменов, директоров корпораций и страховых компаний, крупных промышленников и меценатов. Предполагается, что почетные ректоры «корпоративной эпохи» обеспечат успешный переход вузов с коллегийской модели управления на корпоративную.

Но окажутся ли почетные ректоры «корпоративной эпохи» успешнее своих предшественников? Университет по своему духу отличается от бизнеса и промышленности: для первого главное — это производство и распространение знаний, а для коммерческого сектора — прибыль. В корпоративной культуре упор дела-

ется на эффективность и показатели работы, в университетах же важна результативность и баланс интересов. Корпоративная система управления очень иерархична, а в вузах ценятся децентрализованные механизмы управления. К тому же университеты сильно вовлечены в политику: они и сами оказывают влияние на национальную политику, и напрямую подвержены ее влиянию, а корпорации обычно аполитичны. Учитывая эти противоречия, выходцам из корпоративного мира вряд ли удастся направить университеты в русло необходимых реформ.

Как никогда остро стоят проблемы управленческого характера.

Вместо того чтобы довольствоваться полумерами и играть с ролью почетного ректора, правительству следовало бы заняться укреплением внутренней административной структуры университетов путем развития децентрализованной системы управления. Подобная модель предусматривает вовлечение в управление вузом с одной стороны членов ученого совета и высшего руководства, с другой — преподавателей и студентов. Студенты и преподаватели могут — через своих представителей — нести ответственность за определенные сферы принятия решений. Очень полезно вовлекать преподавателей и студентов в обсуждение вопросов, связанных с академическими и студенческими делами, а вот финансовыми и кадровыми вопросами должны заниматься профессиональные управленцы. Данная модель дает всем заинтересованным кругам внутри организации возможность участвовать в процессах планирования и принятия решений, тем самым повышая прозрачность университетов.

Переосмысление институциональных стратегий латиноамериканских университетов

**Карлос Иван Морено
и Хорхе Энрике Флорес**

Карлос Иван Морено — профессор публичной политики и организационных исследований, а также проректор Гвадалахарского университета (Мексика).

E-mail: carlosivan.moreno@gmail.com.

Хорхе Энрике Флорес — советник академического управления Гвадалахарского университета.

E-mail: jorgenriqueflores@gmail.com.

Влияние рейтингов сильно как никогда. Нравится нам это или нет, но рейтинги — мощный инструмент улучшения имиджа и повышения авторитета университета, и вузам с высокими рейтингами, без сомнения, проще привлекать тысячи абитуриентов, готовых тратить непомерные суммы на обучение и жилье. Несмотря на все споры вокруг рейтингов и на их методологические изъяны, миллионы людей по всему миру продолжают использовать их для выбора лучших вузов и учебных программ. Для некоторых университетов востребованность рейтингов у абитуриентов оборачивается новыми выгодными возможностями, но на большинство вузов рейтинги оказывают тлетворное влияние.

Рейтинги: участвовать или не участвовать — вот в чем вопрос

Некоторые исследования показывают, что рейтинги — мощный инструмент, используемый университетами, которые хотят завоевать или подтвердить уже сложившуюся репутацию в качестве первоклассных научных центров. Но правда в том, что создать репутацию с помощью рейтингов может себе позволить лишь небольшой круг вузов. Необходимо признать, что в текущих условиях формирования рейтингов у большинства латиноамериканских университетов мало шансов добиться мировой известности, потому что между вузами жесткая конкуренция и участвовать в этой гонке очень дорого.

Нехватка финансирования — не единственная причина отставания латиноамериканских университетов. Другие факторы, играющие против них, — это институциональная ориентация и организационная модель. Большинство университетов в Латинской Америке

отдает предпочтение обучению, а не науке, в то время как в рейтингах самое важное — это исследовательская продуктивность, нравится нам это или нет. Но неудачная с точки зрения рейтингов организационная модель — не единственная проблема латиноамериканских вузов. Еще одна проблема в том, что они получают недостаточно поддержки со стороны национальных властей. Таким странам, как Германия, Китай, Россия и Франция, удалось улучшить результаты своих университетов в международных рейтингах, потому что для них это вопрос национального значения. Власти этих стран разработали инициативы, направленные на поддержку изменений в структуре управления вузов, и начали выделять вузам дополнительное финансирование, объемы которого зависят от их положения в рейтингах.

В топ-200 рейтинга Times Higher Education (THE) за 2019 год нет ни одного латиноамериканского университета. Из всех вузов региона, участвующих в рейтингах, лишь одному (Университету Сан-Паулу) удалось войти в четвертую сотню, что, скажем честно, сложно назвать впечатляющим результатом. Некоторые даже могут задаться вопросом, а не стоит ли вузам этого региона вообще забыть про рейтинги. Может, латиноамериканским вузам стоит просто признать поражение в том, что касается рейтингов? На этот вопрос можно ответить и «да», и «нет».

Рейтинги — одна из наиболее мощных сил в сфере высшего образования, и вузы Латинской Америки не могут себе позволить сразу сдаться, поскольку рейтинги играют ключевую роль в формировании представлений о качестве и репутации вузов по всему миру. Но вместо того, чтобы пытаться заработать репутацию, участвуя в рейтинговой гонке, для привлечения международного интереса университетам Латинской Америки стоило бы сосредоточиться на каких-то нишевых или узкоспециализированных академических направлениях.

Предметный фокус

Латиноамериканским вузам вряд ли удастся в ближайшие годы войти топ-100 международных рейтингов. Годовой бюджет университетов, входящих в первую сотню рейтингов THE или QS, варьируется от 3 до 4 миллиардов долларов США, поэтому вузам, не относящимся к университетам мирового класса, практически невозможно с ними конкурировать. Но если взглянуть на предметные и отраслевые рейтинги, то латиноамериканские вузы оказываются вполне конкурентоспособными. В 2019 году расположенный в Мехико Автономный столичный университет оказался в девятой сотне рейтинга THE. При этом в специализированном рейтинге THE по клиническим, доклиническим и другим предметам, связанным со здравоохранением, этот университет занял 176-е место. Еще один пример того, как полезно сосредоточиться на каких-то конкретных областях, — это Университет Бразилии. Он тоже входит лишь в девятую сотню общего

рейтинга THE, но в только что названном предметном рейтинге он входит в топ-400. Видно, что два этих вуза сильны в определенных предметных областях, что характерно и для многих других университетов региона.

**...если взглянуть
на предметные
и отраслевые рейтинги,
то латиноамериканские
вузы оказываются вполне
конкурентоспособны.**

Можно утверждать, что если вузы Латинской Америки сделают упор на те предметные области, в которых и так сильны, то им эффективнее и быстрее удастся улучшить свою международную репутацию, и они смогут конкурировать в этих областях с другими вузами, занимающими более высокие строки в рейтингах. Если вузы Латинской Америки сосредоточат свои усилия на развитии своих нишевых профилей, то им станет проще заключать партнерские отношения с известными вузами и запускать совместные исследовательские проекты, а также развивать курсы и программы двойных дипломов, помогающие привлечению международного интереса. Подобная стратегия может изменить положение дел для латиноамериканских университетов.

.....

Почему австралийские вузы так высоко в рейтингах?

Вильям Локк

*Вильям Локк — профессор и директор
Мельбурнского центра изучения высшего
образования, Мельбурнский университет
(Австралия).*

E-mail: william.locke@unimelb.edu.au.

В последнее время австралийские университеты добились высоких результатов в наиболее влиятельных международных рейтингах. За последний год удвоилось число австралийских университетов, входящих в первую сотню рейтинга вузов с наилучшей международной репутацией по версии журнала Times Higher

Education (THE). Стало на два австралийских вуза больше в топ-200 основного рейтинга THE (теперь их там 11). Число австралийских вузов, входящих в первую сотню Шанхайского рейтинга, увеличилось с шести до семи. Но какие именно университеты в наибольшей степени улучшили свои позиции, в каких рейтингах и по каким показателям? Идет ли речь просто о единичных эпизодах или же за этими результатами скрываются какие-то глубинные тенденции? Наконец, почему все это происходит именно сейчас?

Конкретные университеты и рейтинги

Очевидно, конечно, что в верхние эшелоны рейтингов, привлекающие внимание международной прессы, попадают лишь немногие австралийские университеты, а именно самые известные исследовательские вузы. Соответственно, деятельность большинства вузов скрыта из виду и едва ли попадает в зону внимания журналистов и наблюдателей. Те немногочисленные элитные университеты, которые упоминались в рейтингах с начала их появления, в последние годы практически не изменили своих позиций. В версии рейтинга THE за 2020 год Мельбурнский университет занимает ту же строчку (32-ю), что и год назад; Австралийский национальный университет и Сиднейский университет опустились на одну строку (на 50-е и 60-е место соответственно), а Университет Квинсленда поднялся на три позиции (и занял 66-ю строку). А вот остальные университеты, не входящие в эту четверку лучших, существенно укрепили свои позиции: Университет Нового Южного Уэльса перескочил 25 строчек и занял 71-е место, а Университет Монаша поднялся на восемь строк и занял 75-е место. Впрочем, несколько лет назад эти вузы испытали еще более существенный скачок: Университет Нового Южного Уэльса взлетел с 173-го места в 2012 году на 85-е в 2013 году, а Университет Монаша — со 178-го в 2011 году на 99-е в 2013 году. Потом на протяжении семи лет оба вуза крутились вокруг тех же строчек, которые они занимают сейчас, но СМИ пишут именно о скачках, а не долгосрочных тенденциях.

Университет Нового Южного Уэльса и Университет Монаша заметно улучшили свои показатели и в двух других влиятельных рейтингах — QS и ARWU. В рейтинге QS за 2020 год Университет Нового Южного Уэльса впервые поднялся на 43-ю строчку, а лучший результат Университета Монаша — 55-е место в рейтинге QS за 2021 год. В рейтинге ARWU Университет Монаша поднялся на 18 мест, заняв 73-ю позицию, а Университет Нового Южного Уэльса впервые вошел в первую сотню (заняв 94-е место) в 2019 году (последний на данный момент выпуск) в результате шести лет стабильного роста. Другие вузы, которым удалось заметным образом улучшить свои позиции, расположены ниже в рейтингах: так, Университет Канберры поднялся в рейтингах THE (с 251–300-го места на 193-е) и QS (с 601–650-го места еще пару лет назад на 456-е), а Технологический университет Сиднея поднялся

в рейтингах QS (со 160-й строки на 140-ю) и ARWU (с 301–400-го места на 201–300-е).

Конкретные показатели

Чем объясняются все эти успехи? Если рассматривать индикаторы, используемые при составлении основного рейтинга журнала ТНЕ, самые высокие баллы австралийские университеты набирают по таким показателям, как «Международное взаимодействие (студенты, сотрудники и исследования)», затем «Цитирования» и «Исследования (репутация, доход от исследовательской деятельности и продуктивность)». В рейтинге QS стоит отметить индикаторы «Международные студенты» и «Международные преподаватели», в то время как по показателям «Оценка работодателями» и «Число цитирований на одного сотрудника» у австралийских вузов умеренные результаты. В рейтинге ARWU у австралийских университетов наиболее высокие результаты по таким показателям, как число статей, индексируемых международными базами, и число исследователей с высоким индексом цитируемости. При этом университеты, занимающие высокие строчки в рейтингах, имеют очень низкие результаты по индикаторам «Образовательная репутация» и «Соотношение числа студентов и преподавателей». Согласно рейтингу ТНЕ, лишь в двух австралийских вузах — в относительно небольшом по местным меркам Австралийском национальном университете и в Университете Бонда (маленький частный вуз) — на одного преподавателя приходится менее 20 студентов.

С чем связаны такие хорошие результаты?

Почему же именно вышеперечисленные австралийские университеты добились таких хороших результатов в международных рейтингах и чем же можно объяснить недавние успехи Университета Нового Южного Уэльса и Университета Монаша? Нет ничего удивительного в том, что наиболее высокими позициями в международных рейтингах могут похвастаться наиболее богатые австралийские университеты, что недавно подтвердил мой коллега Фрэнк Ларкинс. Его исследование наиболее финансово устойчивых университетов страны (куда Австралийский национальный университет не вошел в силу его относительно небольшого размера) за период с 2008 по 2018 год показало, что самые богатые вузы Австралии — это те же пять университетов, которые занимают самые высокие места в международных рейтингах (Мельбурнский университет, Сиднейский университет, Университет Монаша, Университет Нового Южного Уэльса и Университет Квинсленда). Доходы этих вузов существенно возросли в период после 2009 года, причем в четырех из них (исключение — Университет Квинсленда) увеличение доходов было связано с запуском в 2008 году спросоориентированных образовательных программ для местных студентов и рез-

ким расширением магистерских программ для международных студентов на фоне сокращения в 2017 году числа мест для местных студентов. Средний удельный доход пяти вышеперечисленных вузов в пересчете на количество очных студентов, обучающихся полный день, оказался примерно на 50% выше, чем во всех остальных вузах страны.

Различия обусловлены тем, как вузы управляют своими финансовыми ресурсами. К примеру, за рассматриваемый в исследовании Ларкинса десятилетний период Университету Нового Южного Уэльса удалось увеличить свои основные активы на 75% (против средних по сектору высшего образования 40%), а долю собственного капитала — на 70% в реальном исчислении (против в среднем 31%). Самыми большими активами обладают университеты Мельбурна и Сиднея, но наиболее эффективным в управлении активами оказался Университет Монаша.

Успех рассматриваемых вузов в международных рейтингах во многом обусловлен тем, как они управляют своими финансовыми ресурсами.

При этом ни один из этих университетов не расширял свой штат пропорционально росту доходов; если не считать именитых зарубежных ученых с высоким индексом цитируемости, эти университеты нанимали преимущественно технический и временный преподавательский персонал, который стоит гораздо дешевле сотрудников, обязанных и преподавать, и заниматься исследованиями. Соответственно, удельный доход всех пяти университетов в пересчете на число полных ставок (включая временные) вырос и превысил среднее значение по сектору, но опередил всех Университет Монаша с его 21-процентным ростом против 7% в остальных университетах.

Успех рассматриваемых вузов в международных рейтингах во многом обусловлен тем, как они управляют своими финансовыми ресурсами. Они максимизируют свои доходы путем привлечения все большего числа международных магистрантов и аспирантов и используют полученные средства для финансирования исследовательской работы, в том числе для привлечения наиболее высокоцитируемых иностранных ученых, которых австралийские университеты обеспечивают высококласным оборудованием, что в результате способствует повышению их исследовательской продуктивности. Также улучшаются показатели этих вузов, связанные с долей международных

студентов и преподавателей и результатами научной работы, благодаря чему они улучшают или закрепляют свои и без того устойчивые позиции в рейтингах.

С другой стороны, рост доходов и увеличение числа преподавателей не успевали за приростом числа студентов, чем объясняется высокое соотношение «студенты/преподаватели» в австралийских университетах и их относительно скромная образовательная репутация. Ключевой вопрос сейчас заключается в том, насколько деятельность вузов по управлению доходами и их нынешние результаты в международных рейтингах жизнеспособны в условиях пандемии COVID-19, неблагоприятно настроенного к вузам правительства и уязвимого геополитического положения, в котором Австралия сейчас оказалась.

ИНИИ НИУ ВШЭ

Институт институциональных исследований НИУ ВШЭ (ИНИИ) осуществляет фундаментальные и прикладные исследования в области институционального анализа, экономики и социологии высшего образования и науки на основе мировых академических стандартов.

ИНИИ интегрирован в международную сеть исследователей высшего образования и сотрудничает с зарубежными экспертами в рамках сравнительных научно-исследовательских проектов в области развития высшей школы и социальной политики в сфере образования. В рамках долгосрочного сотрудничества с Центром по изучению международного высшего образования Бостонского колледжа (США) ИНИИ осуществляет издание русскоязычной версии бюллетеня «Международное высшее образование».

<http://cinst.hse.ru/>

«Международное высшее образование» — русскоязычная версия информационного бюллетеня International Higher Education (Бостонский колледж, США), издается НИУ ВШЭ с 2014 года ежеквартально.

Переводчик — Галина Петренко

Редактор перевода — Лариса Тарадина

Корректор — Ольга Першукевич

Дизайн, верстка — Владимир Кремлёв

Руководитель проекта — Мария Юдкевич
yudkevich@hse.ru

Координатор проекта — Наталья Денисова
ndenisova@hse.ru

109028, г. Москва,
Покровский бульвар, д. 11

Е-mail: ihe@hse.ru

Сайт журнала: www.ihe.hse.ru

ВЫПУСК

103

Лето
2020

